

М. И. Смирнов

ПЕРЕСЛАВСКИЕ
СОКОЛЬИ ПОМЫТЧИКИ

Москва 2004

ББК 63.3(2Рос-4Яр)4-2
С 50

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

В основе переиздания — книга, изданная
Владимирской учёной архивной комиссией в 1912 году.

Смирнов М. И.
С 50 Переславские соколы помытчики. — М.: MelanarЁ,
2004. — 32 с.

Помытчик — соколятник, напускающий ловчую птицу, натравливающий её. Книга рассказывает о сокольных помытчиках из города Переславля-Залесского; основным промыслом их была ловля и подготовка соколов для княжеской, а позже царской охоты в XII—XIX вв.

ББК 63.3(2Рос-4Яр)4-2

© Михаил Иванович Смирнов, 1911.
© MelanarЁ, 2004.

Переславские соколы помытчики

Древний Переславль-Залесский занимал видное место в вотчинном хозяйстве великих князей и царей Московских. Здесь принадлежали им пустоши, деревни, сёла и целые станы, наряду с этим разные угодья — рыбные ловли, бортные леса, бобровые гоны, соляные промыслы и тому подобное. Соответственно разнообразию отраслей этого хозяйства в Переславской области проживало множество лиц, обслуживавших ту или иную его часть. Главную массу составляли пашенные люди, занимавшие чёрные (княжеские) земли, наряду с ними были рыбные ловцы, охотники, различавшиеся по роду оружия, своим специальностям, далее шли бортники или пасечники и так далее.¹ с. 1

С течением времени, особенно в период Московского государства, множество сёл и разных дворцовых владений было роздано монастырям и служилым людям. Самые естественные богатства Залесья с увеличением населения в крае и развитием жизни государства подвергались постепенному уменьшению. Начиная с XVII в. документы перестают говорить о бобрах, которые, надо думать, исчезли в это время здесь совершенно; в XVII же веке более не упоминаются бортники, очевидно, в это время по лесам было мало диких пчёл и существенного промыслового значения они не имели, с того же столетия прекращаются сведения о соляных промыслах и так далее. с. 2

Хозяйственное значение Переславля в императорский период померкло окончательно. До этого времени сравнительно немногие угодья и владения остались в дворцовом или удельном ведомстве и только две группы бывших княжеских и царских слуг сохранили своё существование — это переславские рыбные ловцы и переславские соколы помытчики. Потомки первых, хотя существуют и до настоящего времени, но они теперь не более, как оброчники удельного ведомства, которому ежегодно платят подать за право рыбной ловли на Переславском Плещееве озере. Между тем ранее ловцы имели существенное значение для царского стола, доставляя ко двору определённое количество пойманной ими рыбы, особенно сельдей. В последние годы царствования Петра I они окончательно прекратили отбывать свою повинность натурой и были лишены старинных привилегий.² Дольше их и последними из всех служебных привилегированных групп сохранили свои права и обязанности соколы помытчики, упразднённые в самом начале XIX ст. Просуществовали они несколько столетий при великих князьях, царях и императорах; несли свою особую службу, потребную на потеху государеву и пользу государственную. С ликвидацией их оборвалась последняя нить прежних отношений Переславля-Залесского к царскому двору. с. 3

Останавливаясь из этих перечисленных групп или артелей княжеских и царских слуг Переславского уезда на сокольных помытчиках, приходится прежде всего констатировать, что давно забыта специальность помытчиков, повсюду вывелась соколиная охота и не всем

¹Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. 1. — С. 37, 73, 81, 202, 204, 207, 255, 391, 395.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией / Археографическая комиссия. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 315—318.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией / Археографическая комиссия. — СПб., 1846. — Т. 1. — С. 371 и др.

²Тихонравов, К. Н. О ловле сельдей в озере Плещеево / К. Н. Тихонравов // Владимирский сборник. — М., 1857. — С. 14—22. — С. 14—22.

Свирелин, А. И. Переславское озеро и Рыбная слобода / А. И. Свирелин // Калачёв, Н. В. Архив исторических и практических сведений / Н. В. Калачёв. — М., 1863. — Т. 5.

стало понятно в обиходном кругу самое название помытчика;¹ оно принадлежит к пережиткам истории, к давно прошедшему времени. Между тем в старину соколиная охота и тесно связанный с ней помытчиный промысел существовали на Руси повсеместно и были в таком же, если не большем, распространении, как теперь охота ружейная, и во всяком случае заменяли её.

Древняя Русь была необычайно богата всевозможной пернатой дичью, что способствовало процветанию соколиной охоты, начавшейся здесь в самые отдалённые времена. О ней упоминают старинные былины, — богатырь Збук Королевич и Чурило Пленкович тешились соколиной охотой. В «Русской Правде» Ярослава Мудрого говорится о ловчих птицах — соколах и ястребах; укравший такую птицу платил владельцу гривну кун (то есть около 7 руб. на наши деньги) и три гривны штрафа в казну.² Среди фресок XI в. Софийского собора есть изображения соколиной охоты на птиц и зайцев.³ В удельный период соколиная охота, надо думать, была общераспространённой среди князей. В «Слове о полку Игореве» и в поучении Владимира Мономаха говорится о соколах и ястребах как обычных орудиях охоты.⁴ Эти орудия в то время служили не ради одной потехи и удовольствия, а главным образом для хозяйственных целей, для добывания пернатой дичи на прокормление.

Наряду со всеми князьями удельного времени занимались, надо думать, охотой с соколами и князья Переславские (1175—1302 г.). Какое-либо исключение они едва ли составляли в этом отношении. Правда, прямых документальных данных об этом мы не имеем, но есть предания, заключающие в себе степень большого вероятия. Так, к XII—XIII в. приурочивают следующую народную легенду относительно с. Большой Бремболы, находящейся вблизи г. Переславля-Залесского. Будто бы в местности «Княжи Могилы» стоял загородный двор князей Переславских, а на некотором расстоянии от него в местности «Сокольня» — соколий княжеский же двор. Огибающая село речка Ветлянка была запружена в нескольких местах, остатки чего сохранились до сего времени в виде земляных валов, и образовывала собой сплошную цепь прудов, подходивших к сокольне и княжескому двору. Запруды эти были сделаны нарочно, для того, чтобы сюда слетались птицы, особенно лебеди. На них князья пускали своих приручённых хищников и часто тешились соколиной охотой. Больше всего били лебедей, отчего и самое село называлось Лебединым.⁵

Не имея летописных указаний о соколиной охоте самих князей Переславских, мы имеем сведения о лицах, близких им. Так, сын Переславского князя Ярослава Всеволодовича князь Ярослав Ярославич Тверской был страстным соколиным охотником. На этой почве в 1270 г. у него вышло столкновение с новгородцами. В своём увлечении охотой он нередко нарушал права частных лиц; тогда новгородцы ему пеняли: «Ты, княже, неправду почто чиниш, и многи ястребы и соколы дръжиши».⁶ Родной брат четвёртого переславского князя Дмитрия Александровича и его заклятый враг князь Андрей Александрович в грамоте 1294—1304 г. на Заволочье говорит «о данных птицах», которых возят его люди (соколы помытчики) оттуда к нему, великому князю.⁷ Не будет ничего невероятного допустить, что навыки в соколиной охоте оба эти князя получили в родовой вотчине их отцов — Переславле-Залесском.

Совокупность этих данных свидетельствует, что в XII—XIII вв. в Переславле-Залесском могла быть княжеская сокольня и при ней штат княжеских сокольников. С переходом Переславля по наследству в Москву, перешли князьям московским также по наследству все княжеские переславские сокольники. По заведённому порядку они продолжали здесь своё дело, с тем лишь различием, что вследствие нахождения самого князя большею частью в Москве стали реже участвовать в княжеской соколиной охоте, главным образом обслуживавшейся Московскою сокольней.

Такая сокольня существовала здесь с давних пор и стояла в самом центре Москвы

¹Помыкать — неволить, толкать, ловить, увлекать силой, потащить, мыкать по своему произволу туда и сюда (Даль). Помытчик или помычник — ловец соколов и других ловчих птиц.

²Русская Правда. — М.: Издательство Н. В. Калачёва, 1847. — С. 15, 36, 40.

³Прохоров, В. А. Русские древности / В. А. Прохоров. — СПб., 1877. — Т. 2.

⁴Полное собрание русских летописей. — СПб., 1818. — Т. 1. — С. 105.

⁵Смирнов, М. И. Село Большая Брембола / М. И. Смирнов. — Владимир, 1908. — С. 17—18.

⁶Полное собрание русских летописей. — СПб., 1885. — Т. 10. — С. 148.

⁷Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — Т. 4. — Прим. 206.

«над площадью у большой улицы».¹ С течением времени, по мере того, как московское княжество становилось государством русским, великокняжеская сокольня, как необходимая принадлежность двора того времени, расширялась и принимала в себя всё большее и большее число ловчих птиц. При Иване III поступали сюда, надо думать, подаренные ему кречеты и соколы;² в свою очередь с Московской сокольни великий князь отдаривал ловчими птицами. Своей дочери великой княгине Литовской Елене, жене великого князя Александра, он писал: «А что еси приказывала ко мне о кречатех, и ныне ми было к тебе кречатов послати нелзе: путь ся еще не установил, а как ся путь установить и яз к тебе кречатов пришлю часа того». 8 марта 1504 г. отправлено было ей в Литву 8 кречетов.³ В том же году великий князь Иван послал в подарок императору Максимилиану с его кречетником Гардингером, присланным в Москву за покупкой белых кречетов, одного белого и пять красных кречетов.⁴

Сын и преемник великого князя Ивана III великий князь Василий Иванович был страстным соколиным и псовым охотником. Иностранец Герберштейн, приглашённый им на охоту, оставил нам блестящее описание её. Вместе с тем он свидетельствует, что у великого князя в то время было множество соколов. Описывая Переславль-Залесский, тот же автор говорит: «Поля [Переславские] довольно плодоносны и обильны; после жатве князь тешится на них охотой».⁵ Как бы подтверждая это сообщение, летописи в свою очередь содержат свидетельство об осенней охоте великого князя в пределах Переславского уезда; так, под 1527 и 1529 гг. они говорят: «осеновал князь великий в своём селе в Новой (Александровой) Слободе, и заговев поехал по чудотворцам».⁶ Здесь был двор великого князя и, может быть, как предполагает Н. С. Стромиллов в своей полубеллетристической статье «Александрова Слобода до Грозного» — великокняжеская сокольня.

с. 7

Государев потешный двор в Новой Слободе вмещал в себе, — по его словам, — сокольню с белыми и ярко-красными соколами, скопами, белыми и ярко-красными кречетами и серыми кречетами-дикомыт, копчиками и ястребами нередко белыми, и прочею хищною пернатою тварью, распределяющеюся на статьи и на разряды; и псарню с рослыми большими собаками (в роде медно[e]лянских), волкодавами и другими красивыми с пушистыми хвостами и ушами, вообще смелыми, но не способными к долгой гонке, употребляемыми только для травли зайцев...

Вокруг них в отдельных избах жили сокольники, статейщики, кречетники, орловщики, ястребники, камытчики, щечешки и прочие по одной вёске; а по другой: псовики, охотники, псари, трудники, стрелки-лучники, утятники, вьютчики, седельник, сапожный мастер, клубучешники, колоколешники, кузнец и частью бобровники, словом, вся прислуга наряда охоты соколиной и псовой. Кроме того, в г. Переславле-Залесском на посаде жило сокольников сокольничего пути двадцать человек, да для великого князя на звериную ловлю, на медведей, лосей, волков и прочее обложены с сохи посылать крестьяне чёрных (его княжеских), вотчинных и монастырских (с некоторою льготою) сёл и деревень определенное число людей, развёрстка которых в местах охоты делалась государевым ловчим чрез волостелей и посельских.⁷

с. 8

Оставляя это сообщение на ответственности автора — историка Александровской Слободы, считаем здесь с своей стороны несомненным одно — это указание на существование переславских сокольников. О последних имеются бесспорные документальные данные в виде особой грамоты (25 января 1507 г.) великого князя Василия, писанной на имя сокольников. Грамота эта гласит следующее:

¹Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. 1. — № 130.

²Полное собрание русских летописей. — СПб., 1841. — Т. 3. — С. 142.

³Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1846. — Т. 1. — С. 317—318, 325 и др.

⁴Соловьев, С. М. История России / С. М. Соловьев. — М., 1858. — Т. 5. — С. 197.

⁵Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. — СПб., 1896. — С. 119, 193.

⁶Полное собрание русских летописей. — СПб., 1856. — Т. 7. — С. 230.

Полное собрание русских летописей. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 6, 272.

Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — Т. 7. — Прим. 383.

⁷Стромиллов, Н. С. Александрова Слобода до Грозного / Н. С. Стромиллов. — М., 1884. — С. 91—92.

с. 9 Се яз князь великий Василий Иванович всеа Руси пожаловал есми своих сокольников Переславских, сокольнича пути, что живут в городе Переславле, на посаде, Федка Ильина сына Шаманова, помычника Полуту Головина, Калинку Степанова и Ивашка сапожного мастера, Ивашка Никитина, Федка Шамонова ж, Ивашка Прусина, Гришку Ермолина, Федка Лукерьяна, Першу седельника, Федка Ивашкова, Илейку Сперина, Нестерка Хозникова, вдову Матрену хлебницу, вдову Фетиньцу, вдову Антонидку, Федка сапожника, Федка Игольников, Бориска Игольников ж, вдову Анницу: наместницы мои Переславские и их тиуни приставов своих на них не дают ни в каких делах, и не судят их ни в чем, опричь одного душегубства и вобчих дел; а праветчики мои Переславские и доводчики наместничичи на поруку их не дают ни в чем, и поборов своих у них не берут, и не входят к ним нипочто, и на подворях у них не ставятся; также мои князи и бояре и воеводы, ратные и всякие ездоки у них в подворьях не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют; а кому у них лучится стати, и он себе у них корм свой и конский купит по цене, как ему продадут; а с черными людьми и с городскими переславцы не тянут ни в какие проторы ни в розметы, опричь яму и городского дела и посошныя службы; а кому будет на них чего искати, ино их сужу яз князь великий, или мой соколничей; а дают те соколники мне великому князю за соколы, оброком, с году на год полтора рубли, по книгам, по новому писму по князь Васильеву Ивановича Голенина. Также есми их пожаловал: кто по них взведет моего великаго князя пристава, и пристав мой пишет перед меня, перед великаго князя два срока в году, зиме на Крещенье Христове в тот же день, а лете уговев Петрова говенья неделю, опричь тех двух сроков, сроков на них не наметьвают; а кто на них накинёт срок сильно не по тем их срокам, и яз им к тем сроком ездити не велел; а кто на них и безсудную возмет не по тем их срокам, и та безсудная не в безсудную. Писано на Москве лет 7015 Генваря 25.¹

с. 10 Из содержания этой грамоты ясно видно, что она не создавала новой корпорации княжеских слуг, а регламентировала старое, раньше бывшее. Застаёт она сокольников живущими на местах («на посаде»), а не поселяет их вновь; среди перечисленных лиц есть четыре вдовы, что указывает на то обстоятельство, что их мужья-сокольники умерли до написания этой грамоты, а вдовы (с детьми) продолжали оставаться в разряде сокольников; до издания грамоты было несколько переписей сокольников; и установленный грамотой оброк изымался по последней переписи «по новому писму».

с. 11 Этой старинной группе княжеских слуг, существовавших, как мы полагаем, со времён князей Переславских, Василий III подтвердил или, быть может, дал вновь целый ряд льгот. Своей грамотой он выделил их от прочего населения — чёрных (княжеских) крестьян и горожан переславских и, как лиц служивших по дворцовому хозяйству, поставил выше тех. Они пользовались свободой от обычных даней и пошлин и «не тянули с черными людьми ни в какие проторы (начеты) и розметы (раскладки)»; были освобождены от поста должностных и военных лиц, всякий, кто из тех останавливался у них, платил за это; не обязаны были сокольники давать подвод и проводников для проезжавших через Переславль княжеских чиновников. Они были выделены из общего суда, кроме «душегубства и вобчих дел»; пристава и следователи («праветчики» и «доводчики») не имели права вмешиваться в дела сокольников и производить с них поборы. Их судил сам великий князь или его соколничий.

Почему такие значительный льготы были даны переславским сокольникам, самая грамота, к сожалению, говорит довольно глухо. Весьма подробно говоря о их правах и льготах, она как бы подразумевает их обязанности и говорит о них весьма кратко: «а дают те соколники мне, великому князю, за соколы оброком с году на год полтора рубли». Нельзя же допустить, что, за полтора рубли они пользовались всеми льготами. Дело было не в деньгах, не в оброке. Пользовались они льготами по своей службе «за соколы». В чём состояла эта

¹Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 1: 1294—1598 гг. — № 147.

«Подлинная грамота писана на пергаменте: у ней на шелковом красном шнуре красная печать и подписано: от сей грамоты взято от печати рубль денег. Да на обороте писано до половины страницы, и речей не знать, только в окончании писано: «Лето 7014 Февраля в 7 день. А подписал вел. князя диак Посник Губин».

Выписано из книги, содержащей в себе копии с документов, данной в 1796 г. 31 декабря из Обер-Егермейстерской Конторы Переславских помытчиков выборному, за подписью и печатью той же Конторы».

служба — грамота прямо не говорит, но мы полагаем, что она может быть указана в том, что они не обслуживали уже княжескую сокольню, бывшую ранее в Переславле со времён князей Переславских, или вновь устроенную в Александровской Слободе, а лишь на случай княжеских охот вблизи Переславля являлись сюда, но без соколов и потому платили оброк. Это был запасной кадр сокольников.

Грамота различает в Переславле сокольников и помытчиков; называя всех сокольниками, выделяет одного помытчика. Обязанности сокольников, по крайней мере, позднейшего времени заключались в уходе за ловчими птицами, их приучении к охоте («вынашивании»), на самой охоте они «напускали» птиц, приманивали их после охоты и разыскивали добычу; обязанности же помытчиков состояли в ловле самых хищных птиц и доставке их на княжескую сокольню.

с. 12

Любопытен состав этих сокольников: из них было 16 мужчин и 4 женщины, последние вдовы, разумеется, сокольников; из мужчин было два сапожных мастера, один помытчик, один седельник, один хлебник и одиннадцать человек сокольников, без обозначения их подсобных занятий или прежнего их ремесла. Состав этот говорит, что или сокольники комплектовались главным образом из разных мастеровых, или же им предоставлялось свободно заниматься ремёслами в звании сокольников. Жили они на посаде, вблизи города Переславля и числились в сокольничьем ведомстве («пути»). В том же ведомстве были и в других местах подобные же княжеские слуги, например, кречетники Двинские, но более всего, конечно, было сокольников в самой Москве.

Грамота Переславских сокольников показывает как дорого было князю разными уступками и льготами упрочить существование сокольников, чтобы иметь в них готовых слуг для охоты, начинавшей к тому времени приобретать характер потехи, хотя, впрочем, материальное значение её не исчезает ещё совершенно, а только отодвигается на задний план. Цели своей великий князь достиг; он укрепил положение переславских сокольников настолько, что после него они существовали ещё целых три столетия. Ему таким образом в истории их принадлежит весьма видная и самая основательная роль; собственно, от него только начинается документально обоснованная их история. Не одна только страсть охотника говорила в нём, когда он решил дать свою льготную грамоту, а побуждала его вместе с тем назревшая потребность времени. Его двор по тогдашним условиям должен был иметь соколиную охоту согласно своему достоинству. По блеску этой охоты определялось, между прочим, самое достоинство владельца. Кроме того, приученные ловчие птицы были необходимы для подарков соседним владельцам, что не было одной формальностью, а при ценности кречетов и соколов являлось видным проявлением дружеских чувств соседства и способствовало упрочению отношений.

с. 13

Свою грамоту великий князь дал в начале княжения. Создав ею прочный кадр сокольников, Василий III, быть может, между прочим, поэтому так часто ездил охотиться в окрестности Переславля в течение всего своего княжения, соединяя нередко охоту с поездками на богомолье и чередуя одно с другим. Охотился он часто и в других местах своего княжества, особенно в Волоке Ламском и подмосковных сёлах. Своей страсти он верен был до самой смерти; самая предсмертная болезнь, приведшая его к преждевременной кончине, прилучилась с ним на охоте.

Его сын царь Иван IV любил охоту не менее отца, но соколиной и псовой охоте предпочитал облаву на дикого зверя с рогатиной и ножом. Тем не менее заведённая дедами и прадедами соколиная охота продолжала существовать при нём, хотя далеко не в таком виде, как при его отце. Предание помнит, что у царя Ивана Васильевича на Московской сокольне были любимые соколы и когда однажды молодой сокольник Трифон Патрикеев, только что помолвленный, упустил любимого царского сокола во время охоты, то царь под страхом опалы и жестокого наказания приказал ему отыскать птицу в течение трёх дней. Тщетно ездил он по лесу три дня и три ночи, наконец, обессиленный, уснул. Во сне явился ему святой мученик Трифон, которому он молился в отчаянии, и указал, что разыскиваемый сокол сидит на сосне недалеко от того места, где он уснул. И, действительно, очнувшись от сна, нашёл своего сокола в указанном направлении. В благодарность за чудесную помощь, он построил на этом месте сначала часовню, а потом каменную церковь во имя святого Трифона — это существующая до настоящего времени Трифоновская церковь в На-

с. 14

прудной Слободке в Москве.¹ Но если и занимался царь Иван соколиной охотой, то, надо думать, только в добрую пору своего царствования, а потом ему было не до того и она пришла в упадок. Когда Баторий обратился с просьбой прислать ему красных кречетов, то Грозный был вынужден ответить, что «пошлет за кречетами на Двину и Поморье; были у него кречеты добрые да поизвелись; давно уж он перестал усердно охотиться, потому что пришли на него кручины большия». Но так плохо дело обстояло лишь в последнее время, а раньше он посылал кречетов королеве английской Елизавете и другим владельцам.

с. 15 По примеру своего отца царь Иван Васильевич дал переславским сокольникам грамоту. К сожалению, грамота эта до нас не дошла, сохранилось лишь одно упоминание о ней. Между тем есть основание думать, что грамота эта представляла собой дальнейшее развитие прав и обязанностей сокольников. Так, при Василии III сокольники наравне с тяглыми и чёрными людьми несли ещё некоторые повинности, вроде «посошной службы», «яма» и «городового дела». В начале же XVII ст. они были свободны от этих повинностей и положение их сравнительно с общей податной массой ещё больше улучшилось. Ближайшая грамота этого столетия даёт полное право думать, что впервые это сделано было Грозным.² По его именно воле они начали обращаться в помытчиков и платить свой оброк соколами «пером», то есть совершенно оперёнными, вылинявшими птицами, по терминологии позднейшего времени, дикомытами. Переход этот от сокольников к помытчикам был естественный и необходимый. Пользоваться так часто, как Василий III, переславскими сокольниками ему было не нужно, а между тем надобность в ловчих птицах в целях, хотя бы только государственных, существовала. Он и заставил их заниматься помыканием соколов, то есть ловлей их в окрестностях Переславля, на чьих угодно землях без ограничения и доставкой в Москву на царскую сокольню. Поставил их под надзор местных «детей боярских, которым кречатя ловля за обычай».

с. 16 Как человек выдающихся организаторских и административных способностей, Грозный, хотя сам и не очень любил соколиную охоту, но произвёл в ней ряд реформ. Не только для переславских сокольников, но и во всей постановке царской соколиной охоты сделал важные изменения, как полагают, он именно дал ей строгую организацию и провёл целый ряд важных мер.³ Считают даже, что с его времени «соколиная охота начинает получать преобладающее значение в царской охоте, и здесь, стало быть, нужно искать разгадку удивительно пышного её последующего расцвета»,⁴ хотя собственное его признание, по-видимому, говорит против последнего.

Время царя Фёдора Ивановича, Бориса Годунова и Лжедмитрия, по-видимому, ничего нового не привнесло в дело соколиной охоты и, в частности, в положение переславских помытчиков. Всё действовало по заведённому Грозным порядку до царя Василия IV Шуйского. 10 июля 1606 г. он пожаловал своих переславских помытчиков следующей грамотой:

с. 17 Се яз, царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси, пожаловал есми своих Переславских сокольников, соколничя пути и помытчиков и оброчников, что живут в пригороде на посаде, Гришку Рябова, да Боженка Ильина, да Ортюшку Максимова, да Казаринка Петрова, да Ивашка Почанникова, да Ванку Панина, да Тишку Новикова, да Ивашка мелника, да Менщичка Дементьева, да Тренку кузнеца, да Тренку сапожника, да вдову Оксиньницу, да Гаврилку хлебника, да Илейку Обросимова: что они нам били челом и положили перед нами блаженная памяти Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Русии жалованную грамоту, чтоб нам их пожаловать, велети тое старую жалованную грамоту переписать на наше царское имя и велеть бы им дати свою царскую жалованную грамоту новую таковууж, какова у них преж сего была. И яз, Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Русии, выслушав их старую жалованную грамоту

¹Приклонский, И. О Московской Трифоновской, что в Напрудной Слободке, церкви / И. Приклонский, протоиерей. — М., 1884. — С. 11—12.

²Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 2: 1598—1613 гг. — № 53.

³Журнал Охоты Императорского Общества. — 1875. — Сентябрь. — С. 154.

⁴Кутепов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1898. — Т. 2: XVII век. — С. 154.

Переславских сокольников, сокольнича пути, и помытчиков и оброчников, Гришку Рябикова с товарищи, пожаловал велел тое старую грамоту переписать на свое Царево и Великаго Князя Василея Ивановича всеа Русии имя и велел им дати сю свою царьскую жаловальную грамоту, таковуж, какова у них преж сего была:¹ наши наместницы Переславские и их тиуны Гришку Рябикова и его товарищей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным, а праведчики и доводчики поборов своих на них и поворотнаго не емлют и не всылают к ним ни почто; а кому будет чего искати на Гришке Рябикове и на его товарищех, ино их сужу яз, Царь и Великий князь Василей Иванович всеа Русии, или мой соколничей; а ездити от них и по них нашему даному пристава, котораго им яз пожалую, велю дати, а срок им даной пристав срочит один в году в той же день по Крещенье Христове; а опричь того моего данаго пристава, не ездит по ним никто; а кто на них накиннет срок не по тому их сроку, и им к тому сроку ездити не велел; а кто на них безсудную грамоту возмет, не по тому их сроку, и та безсудная не в безсудную. Также есми их пожаловал: наше князи и бояре и воеводы и ратные люди у них во дворех силно не ставятся, а наши высылщики и гонцы и емщики подвод у них и проводников не емлют в городе и по дорогам, опричь ратныя вести; а с подводами на яму не стоят, и с черными людьми городскими, ни с целовальники, ни с десятскими, во всякие подати и тяглы не тянуть... [ислешнее место] А с черными людьми не тянут ни вочто, ни в посошныя службы.² А оброку им мне, Царю и Великому Князю, давати с своих дворов с году на год на Рождестве Христове на мою сокольню соколничему нашему по три соколы пером; а не будет соколов пером и им давати в нашу казну за три сокола оброку по 1,5 руб. с году на год, за сокол по полтине, да пошлин с сокола по гривне. А коли Гришка с товарищи поедут к нам на Москву, с нашими оброчными соколы или с соколним оброком, без товару, и наши наместники по городам, и по волостям волостели и их пошлинники, и по мытам мытчики, и по рекам перевозчики, и по гатям гатовщики, мыта и тамгу и явки, ни иных некоторых пошлин на них не емлют. А коли они явят сю нашу грамоту нашим наместникам и всяким пошлинником и они с нее явки не дают ничего. А прочет сю нашу царьскую грамоту, велели есми отдавати Гришке с товарищи назад, и они себе ее вперед держат для наших пошлинников. Дана ся наша царьская жаловальная грамота на Москве, лета 7114 году Июля в 10 день.³

с. 18

с. 19

Что именно в этой грамоте принадлежит отдельно Грозному и что Шуйскому, сказать трудно. Оставив этот вопрос открытым, обратимся к её содержанию.

За 99 лет, отделяющих издание одной грамоты от другой, в положении переславских сокольников наблюдается большая разница. Теперь от общей податной массы их отделяла уже целая стена разных привилегий. Из прежних ограничений и вообще небольшим связывающим звеном между ними остался суд за «душегубство и разбой с поличным», а также подводная повинность по случаю «ратной вести». В остальных отношениях у помытчиков всё было своё особенное: суд — специальный княжеский или его сокольничего; пристав также свой исключительный, приезжий в один определённый день в году. Переславские сокольники были свободны от поста, яма, городского (крепостного) дела, посошной повинности, беспошлинно проезжали в Москву по служебным делам и так далее.

Своё привилегированное положение они оплачивали службой. Всею артелью обязаны были изловить трёх соколов и доставить их на святках в Москву на княжеский соколий

с. 20

¹В справке Преображенского Приказа, составленной по случаю челобитной переславских помытчиков 10 июня 1724 г., вслед за этими словами имеется следующая вставка: «и писано в той грамоте против первой жалованной грамоты, да пополнено»... (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 337.)

²В той же справке Преображенского Приказа это место приведено следующим образом: «во всякие тяглы и подати ни в какия проторы не тянуть ни во что, ни в посошныя службы, ни в приказ с городскими людьми не пишут». (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 338.)

³Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 2: 1598—1613 гг. — № 53.

«Писана грамота на Александрийском листу, печать висячая красного воску на шелковом красном снурку: назади той грамоты писано тако: Царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии». (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 138.)

- двор или же уплатить вместо их, при неудаче поймать последних, соответствующий оброк за сокола по полтине (около 4,5 руб. серебром на наши деньги) да пошлины по гривне (около 90 коп.). Обязанность эту нельзя назвать обременительной, особенно если принять во внимание обилие хищных птиц в то время — соколов и ястребов в Переславском уезде. Здесь как «соколье помчище» преимущественно славилось Ивановское болото, подле озера того же имени, расположенное в бассейне р. Малой или Клязьменской Нерли;¹ немало водилось хищных птиц и по другим местам, особенно вблизи озёр и по болотам рр. Дубны, Большой или Волжской Нерли и других. Запрета ловить в чьих-либо владениях не существовало: помытчики свободно имели право делать своё дело не только в подклетных владениях царей, а также во всех остальных землях: монастырских, боярских и прочих. Являлись они (то есть помытчики) с своими снастями на намеченное ими место и начинали ловлю. Соответственно возрасту и роду птиц приёмы ловли и самые приспособления различались между собою. «Гнездари» — совсем юные птенцы разыскивались в гнёздах и ловились руками; «слётки» — молодые птенцы, выучившиеся летать, ловились сетками, наконец, «дикомыты» — взрослые птицы, перелинявшие (перемытавшиеся) на воле (в диком состоянии) «схватнями», посредством привязанного на «вспорку» голубя или даже мелкой птички; ставили также «седбища на соколов и по болотам напорцы» и так далее. Конечно, труднее всего было ловить дикомытов, а по-видимому, именно ими, или в крайнем случае, вылинявшими слётками или гнездателями должны были они платить свой оброк. Принимая во внимание зимний срок доставки птицы, а также прямое указание грамоты, что требовались «соколы пером», то есть в надлежащем оперении — вылинявшие, приходится думать, что это так именно и было. Если добавить к этому, что под соколами разумелись только самки, которые обычно предпочитались самцам, по терминологии того времени «челигам», то задача переславских сокольников была не так проста, как это кажется с первого взгляда. Дикомытов поймать было очень трудно, а гнездателей и слётков приходилось долго содержать и ухаживать за ними, пока они делались настоящими птицами. Чтобы представить трёх оброчных соколов, нужно было выбрать их из нескольких птиц, иными словами, наловить нужно было гораздо более трёх; тем более, что могли быть несчастья дорогою при доставке в Москву. Это обстоятельство приходилось учитывать очень сильно: дорогою птицы могли заломать перья и попасть в бракованные, или того хуже, пасть. Поэтому возили их с большими предосторожностями зимою, в особых клетках — коробах, обтянутых внутри овчиной, чтобы птица не заломала перья; дорогою обильно кормили свежим мясом преимущественно голубей. Так что в конце концов и три птицы доставляли много хлопот помытчикам, а содержание их в течение нескольких месяцев усложняло дело ещё более и требовало затрат.

По-видимому, пойманные соколы и ястребы доставлялись в то время в Москву обученными. Заставляет это предполагать та же самая грамота. Она говорит о находившихся в Переславле «сокольниках сокольничаго пути, помытчиках и оброчниках». Разделяя их на три категории, грамота, надо думать, раскрывает нам этим внутреннее устройство переславской артели. Главную или старшую роль играли сокольники, затем шли помытчики и, наконец, оброчники. К последним относились вдовы и, вероятно, разбогатевшие помытчики, приписавшиеся к купцам; не принимая активного участия в ловле птиц, они вносили в артель соответствующий денежный оброк. Помытчики ловили и отвозили птиц в Москву, а сокольники обучали их приёмам охоты. Существовало таким образом распределение обязанностей, что было в интересах дела и самой артели. Не всем же на самом деле было ездить на ловлю по болотам, в Москву с птицами; да если принять во внимание, что и самих птиц было меньше, чем помытчиков, то распределение это становится неизбежным.

Бесспорно, самым трудным и самым почётным делом была роль сокольников, которых грамота ставила во главе артели. От этой категории лиц требовалось немалое искусство, разнообразившееся смотря по возрасту, роду и характеру птицы. Сокольник, чтобы «выно-

¹Щекатов говорит об этом следующее: «С. Ивановское весьма примечательно по множеству разных птиц в дачах онога, где бывает также ловля оным в болоте, подле озера, называемого Ивановским; в сём месте пойманные помытчиками соколы отправляются ко двору в ведомство Егермейстерской канцелярии, а помытчики имеют жительство в городе». (Щекатов, А. Словарь географический Российского государства / А. Щекатов, Л. Максимович. — М., 1804. — Т. 2. — С. 681.)

силь» или выдрессировать надлежащим образом птицу, должен был владеть этим знанием в совершенстве. Обычно гнездарей, после того, как они подрастали, а слётков и дикомытов после поимки обряжали в особые уборы и снаряды: на ноги надевали «опутенки» с «должником» и бубенчиком. Первые два приспособления служили для того, чтобы птица не улетела, а последнее, чтобы улетевшую птицу по звону можно было бы разыскать. Снаряжённые птицы содержались в особом чулане (сокольне) на отдельных «стульях» — обрубках дерев, обитых сверху войлоком, или на «треногах» — деревянной, обшитой сукном палке с металлической или деревянной же подставкой. От искусства помытчика и характера птицы зависела степень скорости приручения её. Особенно резвых и диких птиц сначала морили голодом, потом мало-помалу приучали к себе, чтобы птица за пищей садилась на руку сокольника, закрытую рукавицей, потом рука заменялась «вабилом» — двумя крыльями с привязанным к ним куском мяса. Хорошо прирученную птицу притравливали в поле на добычу, причём должник заменяли длинным шнурком. В течение недель двух-четырёх птица приобретала надлежащие навыки и её пускали на настоящую охоту. При этом соколов и кречетов вывозили на охоту «исклובченными», то есть с клубочками на головах, закрывавшими глаза, чтобы птицы не бросались преждевременно на добычу и не дрались между собой. Ястребы, копцы и дербники вовсе не приучались к колпачку. Эта разница допускалась вследствие особенностей характера тех и других птиц. Сокола или кречета на охоте сперва нужно сбросить с руки и тогда он идёт вверх, или говоря по-охотничьи, «делает ставку»; отсюда с высоты бросается вниз на добычу и бьёт её. По числу ставок, то есть подъёмов вверх и стремительных падений оттуда, а также по способности подниматься на большую высоту определялось достоинство птицы. Чем выше сокол взлетал и чем больше делал нападений, тем считался лучше и ценнее. Обучение соколов и самая охота с ними принадлежит к наиболее трудным, но всё это искупается особой прелестью воздушной борьбы пернатых хищников. Добычливее и проще охота с ястребами: они прямо бросаются с руки за добычей и бьют её «в угон». Птиц пускали на добычу освобождёнными от всех снарядов с одними только бубенчиками. По окончании охоты, если птицы не возвращались к сокольнику сами, приманивались вабилом, а затем снова надевали на них опутенки, должник и клубочёк и увозили в сокольню. Таких выношенных птиц по три штуки и доставляли ежегодно в Москву на царскую сокольню переславские сокольники.

с. 23

с. 24

Сколько именно было последних в переславской артели, грамота не даёт указаний. Самая артель сравнительно со времени Василия III значительно сократилась: вместо 20 человек насчитывалось лишь 14 человек. По-прежнему в ней были разные мастеровые: мельник, кузнец, сапожник, хлебник, что само собой указывает на то обстоятельство, что переславские помытчики или комплектовались из «деловых людей», или же им разрешалось заниматься наряду с своею службою разными подсобными промыслами.

Смутное время, усилившееся при Шуйском и достигшее высшей точки своего напряжения после его свержения, заставило всех забыть о соколиной охоте, и переславцам, жестоко пострадавшим в этот период лихолетья, некогда было думать о своём соколином оброке; само собой всё это прекратилось и замерло. Возрождение последовало при царе Михаиле Феодоровиче, и то не сразу, после того, как брожение в государстве более или менее улеглось и великолепие царского двора стало возрождаться с новым блеском. Сам царь не был большим любителем охоты, но тем не менее время от времени тешился соколиным спортом. Прежние права переславских сокольников при нём подтверждены были вновь и весь уклад служебной деятельности их пошёл по-прежнему.

с. 25

Божиею Милостию, — писано по его указанию на обороте грамоты Василия Шуйского, — мы великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси Самодержец, сее грамоты слушал, а выслушав Переславских сокольников, соколничя пути, и помычников, и оброчников, что живут внутри городе и на посаде, Гришку Рябикова, Казаринка Петрова, Ивашка Почанникова, Гаврилка Иванова с товарищи, и которые впредь иные соколничя пути соколники и помычники и оброчники в Переславле внутри городе и на посаде и на пустых на оброчных местах учнут жити, пожаловали: сее у них грамоты рудити не велели никому ничем, а велели у них ходити о всем по тому, как в сей грамоте написано. Лета 7125 (1617 г.).

Марта в 20 день. А подписал Государев Царев и Великаго Князя Михаила Федорича всеа Руси диак Богдан Иванов сын Кашкин.¹

с. 26 В своих основных чертах эта грамота была подтверждена и в следующее царствование, но вместе с тем содержит указание на важную перемену, происшедшую в положении переславских сокольников, а именно все они переименованы были в помытчиков.

157 (1649 г.) Марта в 6 день, Божию Милостию мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа Руси Самодержец, сее жалованная грамоты слушал, а выслушав Переславль Залесскаго сокольных помытчиков, что живут внутри городе и на посаде Гаврилка Иванова с товарищи, девять человек, и которые иные соколы помытчики впредь в Переславле учнут жити, пожаловали: сее у них грамоты рудити не велели, и соколы помыкать попрежнему, и велели им ходити во всем по тому, как в сей жалованной грамоте писано, опричь сроку, что написано в той же день по Крещении Господни, и тот срок отговорен и быти по новому Уложению. А подписал Государев Царев и Великаго Князя Алексея Михайловича всеа Руси диак Иван Федоров.²

с. 27 Эта грамота с несомненностью устанавливает, что со времени царя Алексея Михайловича переславские сокольники, помытчики и оброчники все были обращены в помытчиков; им дана одна определённая задача ловить и помыкать в Москве соколов и ястребов. Остальное отпадало. Перемена эта становится вполне понятной, если принять во внимание особое состояние царской соколиной охоты того времени. Это было время исключительного её расцвета, вызванное самим царём — страстным соколиным охотником, который, можно сказать, жил охотой и всецело предавался ей в часы досуга. Тотчас по вступлении на престол он со всею силою страсти отдался любимой потехе, увлекавшей его с ранних лет, и не жалел средств на это дело. Не изменял ей в течение своего 30-летнего царствования; из своих московских теремов постоянно рвался на волю, предпринимал при каждой мало-мальски подходящей погоде свои «походы на потехи» в подмосковные сёла и иногда даже по два раза в день охотился с соколами, принимая в этом самое активное участие. В Семёновской и Коломенской сокольных, составлявших его потешный двор, было собрано необычайное число птиц — около трёх тысяч штук, для прокормления которых была особая голубятня, где содержалось до ста тысяч голубей. Чтобы понять всю колоссальность цифры ловчих хищников, нужно иметь в виду, что в неволе даже и при самом лучшем уходе птицы живут не более двух-трёх лет, а потом становятся негодными к охоте, или прямо умирают, многие от перемены климата. Следовательно, чтобы поддерживать постоянно на такой высоте сокольню, требовалось ежегодно громадное число птиц. Оно ещё более увеличивалось частыми посылками редкостных птиц в разные страны: Турцию, Персию, Крым, Англию, Данию, Польшу и другие, причём султану и шаху иногда в один раз посылалось по 30 кречетов и ястребов. Такая значительная ежегодная убыль ловчих птиц восполнялась с одной стороны особыми экспедициями. Царские помытчики ездили за ними в самые отдалённые концы государства (на Север и в Сибирь) и привозили с собой редких птиц. С другой стороны, по-видимому, увеличено было число мест или, точнее, городов, где вновь учреждены были помытчики (например, в Ростове), а прежним провинциальным сокольникам было указано стать помытчиками, то есть исключительно заниматься ловлей птиц. Искусство «вынашивания» последних сосредоточено было на царском потешном дворе, под наблюдением самого царя и его ближайших помощников в этом деле — Матюшкина и Хомякова. Быть может, сказалось в этом даже недоверие к провинциальным сокольникам и их приёмам обучения, которые сочтены были устарелыми и неподходящими. Здесь же в Семёновском и Коломенском дворах им давали надлежащие навыки. Всё дело было поставлено необыкновенно строго, как важная государственная отрасль управления.

с. 28

¹Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 2: 1598—1613 гг. — С. 125.

²Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 2: 1598—1613 гг. — С. 125.

«Выписано из книги, данной в 1790 г. декабря 31 дня из Обер-Егермейстерской Конторы Переславских помытчиков выборному, за подписанием и печатью той же Конторы».

Взыскивали за малейшие упущения, производили розыски о каждом несчастном случае с птицами в сокольниках и докладывали царю, знавшему свою армию хищников великолепно по именам. Он разделял их на статьи и разряды и любил гордиться ими. Принимал близкое участие, или даже, как полагают некоторые, сам составил особое руководство по соколиной охоте — «Книгу, глаголемую урядник: новое уложение и устройство чина сокольника пути». Восхваляя достоинство этого рода охоты, Алексей Михайлович говорит здесь:

И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет весельем радостным и веселит охотников сия птичья добыча... Будьте охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолевают вас кручины и печали. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и безсучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу.

с. 29

В пояснительной заметке к «Уряднику» С. Т. Аксаков говорит:

Соколиная охота по преимуществу благородная. Тут дело идёт не о добыче, не о числе затравленных гусей или уток, тут охотники наслаждаются резвостью и красотой соколиного полёта, или, лучше сказать, неизмеримой быстротой его падения из-под облаков, силою его удара... Странно, но самому жалостливому человеку как-то не жаль бедных птичек, которых он ловит. Так хорош, изящен, увлекателен процесс этой ловли, что непременно желаешь успеха ловцу.

Самая соколиная охота, по описанию С. Т., происходит следующим образом:

Охотники с одним или двумя соколами, разумеется, хорошо выношенными, ездят по полям, по речкам или около небольших озёр; усмотрев издали птицу, сокола «бросают с руки», и он сейчас начинает всходить кругами вверх; когда же он взойдёт до известной «своей» высоты, птицу (на которую охотятся) «поднимают», спугивают, и сокол, как молния, падает на неё с неба.¹

Убитую птицу поднимают находящиеся верхом сокольники, они же отыскивают и приimanaют самих соколов. Это описана весьма скромная простая охота, но царская охота и притом времён Алексея Михайловича представляла увлекательное и грандиозное зрелище. Тут участвовал целый штат царедворцев, возведённых в звание сокольников по особому церемониалу, множество низших слуг, вывозилось сразу большое количество птиц, разодетых в драгоценные колпачки с камнями, золотом и серебром. Всё это блистало и сияло роскошью убранства. Местами охоты царя были почти исключительно подмосковный окрестности.

с. 30

Трудно допустить, чтобы при таком положении дел соколиный оброк переславцев оставался в прежнем виде. Самое время требовало другого, прежние же нормы должны быть признаны устаревшими. И действительно, есть сведения о новом обложении помытчиков Переславля-Залесского. Историк царской охоты г. Кутепов говорит:

По писцовым книгам 1676 г. переславские помытчики обязаны были доставлять на Семёновский потешный двор ежегодно с каждого двора «по соколу дикомыты, да по ястребу гнездному... а во 175 (1667 г.?) году, вместо гнездного, велено имать по ястребу старому дикомыту, а будет, в котором году старого не будет и на них имать по три ястреба молодых добрых». По поводу приведённых сведений далее тот же автор говорит: «Трудно сказать, относилось ли обязательство поставки указанного количества птиц ко всем Переславль-Залесским помытчикам вместе, или к каждому отдельному двору. Первое предположение, наиболее отвечающее редакции писцовых книг, несколько не вяжется со справкою, данную в начале XVIII ст. Преображенским приказом, по которой на названных помытчиков возложена была обязанность приноса на Семёновский потешный двор ежегодно шесть вешних соколов дикомытей и шесть осенних «дикомытей суровых», всего 12 птиц, причём челигов сокольных приносить не полагалось, а тем более засчитывать их за окладных недоставленных соколов. За последних с помытчиков взыскивалось по три рубля за птицу.²

с. 31

¹Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольника пути, с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова. — М., 1856. — С. 91, 142, 144 и 145.

²Кутепов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 272; прим. 451 с. 249.

Если сравнить число птиц (12 штук), составлявших оброк переславских помытчиков, с числом дворов переславских помытчиков по переписи 1677 г. (также 12 дворов),¹ то получится полное совпадение, а именно с каждого двора по одной птице. Совпадение это едва ли случайное; количество платёжных единиц (дворов), установленное этой переписью, сохраняло свою силу, надо думать, до следующей переписи. Этим и объясняется число 12 птиц, о которых говорил в своей справке Преображенский приказ.

Исходя из этого и считая несомненно правильным поступление оброка с переславских помытчиков по исчислению приказа XVIII ст., приходится признать, что в XVII ст. оброк птицами был вдвое более; кроме сокола требовался ещё ястреб с одного и того же двора. И невидимому было это сделано при царе Алексее Михайловиче, хотя путаница в хронологических данных (сначала 1676 г., а потом 1667 г.) не даёт возможности сказать это категорически. Но тем не менее из приведенного выше обзора постановки соколиной охоты при «тишайшем» царе видна настоятельная необходимость в усиленном оброке натурой и подтверждает это соображение. Да кроме того, как бывшие сокольники, теперешние помытчики были освобождены от «вынашивания», а за это, само собой, следовало увеличить оброк количественно.

К сожалению, нам неизвестно, какое число дворов помытчиков считалось в Переславле-Залесском в царствование Алексея Михайловича. Зная это, можно бы сказать сколько всего оброчных птиц полагалось к высылке отсюда в Москву за это время. В 1649 году, когда подтверждена была жалованная грамота Василия Шуйского, помытчиков было здесь 9 человек; через пять лет в 1655 г. по городской росписи их было десять следующих человек: Якушко Тчанников, да дети его: — Ивашко да Богдашко, Ганька Меншиков, Фролка Меншиков, Ивашко Тихонов, Прохорко Михайлов, Савка Еремеев, Логинко Онтипьев.² За дальнейшие годы царствования сведений мы не имеем, но можно считать, что число это увеличивалось постепенно, так как на другой год после смерти царя Алексея всего помытчиков в Переславле было 28 человек.

По переписи 1677 г., произведённой в царствование царя Фёдора Алексеевича, это были следующие лица:

- с. 33
- Логинко Антипьев сын Козаринов,³ у Логинки дети: Стенка, Якушко;
 - Ивашко Яковлев с. Тчанников;
 - Богдашко Яковлев с. Тчанников, у Богдашки дети: Митька 20 лет, Ивашко 12 лет, Бориска 10 лет;
 - Лушка Гаврилов с. Худяков;
 - Прошка Михайлов с. Подурцев, у Прошки с. Мишка 10 л.;
 - Савка Еремеев с. Рябиков, у Савки с. Ромашка;
 - Фролка Аввакумов с. Меншиков, у Фролки дети: Володька, Ивашка;
 - Якушко Гаврилов с. Меншиков;
 - Бориска Яковлев с. Потапов;

¹Найденов, Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найденов. — М., 1898. — С. 23.

²Там же. — С. 3.

³В житии преподобного Даниила содержится описание двух чудес, касающихся, по-видимому, родителей этого помытчика:

1) «Государев соколей помощник (помытчик), именем Антип, прослытием Казаринов, повода глаголя: грех ради моих, рече, впадох в люту болезнь, яко ни мало поразумевати ми себе, лежах бо на одре, яко бездушен. И такая страждушу ми в болезни, яко до четырёхдесяти дней и вящше, ни мало облегчения ни приемлюшу. В себе же пришед, со слезами начях молити преподобнаго, о еже переменитимися от болезни, все бо тело мое, рече, изсше от нея и ни единому составу костей моих движущумися во мне. Обещахжеся ити и ко гробу преподобнаго и молебная совершити. Повелех же я сущим в дому моем, да принесут ми ис кладезя воды, егож ископа преподобный своима рукама. Егда ж принесите даша ми пити, и абие не почух болезни, еже имях прежде и востав со одра, текох во обител Пресвятыя Троицы. И по обещанию молебная совершив у гроба преподобнаго, всем повода бывшее, отыдох в дом свой, радуя, славя и благодаря Бога и угодника его преподобнаго Даниила».

2) «Некто Государев соколей помощник (помытчик) Антип Петров, прослытием Казаринов, повода глаголя: жена моя, рече, впаде в люту болезнь и бывши во скорби той многое время; помянув же аз древле бывшую милость преподобнаго, уже показа на мне (самем) грешнем. Начат же и паки молитися преподобному, яко да исцелит жену мою Антонию. Обещахжеся и молебное пение совершити у гроба святого; и абие принесше от кладезя святого воду, и даша болящей пити, и бысть здрава, яко же николи же болев, молитвами преподобнаго».

(Смирнов, С. И. Житие преподобного Даниила / С. И. Смирнов. — М., 1908. — С. 107, 115).

- иноземец поляк Мишка Иванов;
- Ивашка Патрикеев с. Меньшиков, у Ивашка дети: Петрушка 6 л., Андриюшка 1 года;
- Емелка Дорофеев с. Кубасов, у Емелки с. Ивашка 1 г.;
- Алешка Михайлов, у Алешки дети: Андриюшка Ивашко, Ивашко ж Меньшой 15 л., Матюшка 10 г.,
- всего найдено по переписи сокольных помытчиков 12 дворов, людей в них 28 чел.¹

Основную черту приведённой переписи, касавшейся не только сокольных помытчиков, а и всего населения Переславль-Залесского уезда, было установление числа платёжных или оброчных единиц. Таковыми для помытчиков, как мы видели ранее, были дворы. Как платёжные единицы они отличались значительным постоянством, чего нельзя сказать относительно их обитателей. Раскладка оброка производилась по этим дворам или штатам, а в дворах могли меняться разные лица. Последнее легко заметить, если сравнить фамилии и прозвища сокольников прежнего времени, перечисленных в царских грамотах, с таковыми же указанными в переписи. Одинаковых фамилий в тех и других очень мало. Причин этого может быть несколько: вымирание родов, переход на другие службы, исключение из числа помытчиков и прочее. В качестве иллюстрации последнего может служить грамота царя Фёдора Алексеевича 1677 г. Переславскому воеводе П. Ф. Полтеву о трёх переславских сокольных помытчиках, учинивших какое-то неблагоприятное деяние по отношению к переславским посадским людям. Грамота эта, представляющая собою заключительный конец судебного или административного дела, гласит следующее:

с. 34

От царя В. К. Фёдора Алексеевича всяя велик, и мал. и бел. Рос. Самод. в Переславль-Залесской Воеводе нашему Петру Фёдоров. Полтеву в нынешнем 185 г. Июля в 13 день послана к тебе наша велик. Государя грамота по челобитной переславцев посадских людей, ведено переславских сокольных помытчиков Стенку Антропова с товарищи выслать их на вечное житье Переславскаго ж уезду залескаго в нашу В. Г. Дворцовую новую Александрову слободу в посад и переславские сокольи помытчики Терешка да Сенька Степановы, Назарка Антропов били челом нам В. Г. в Александрове де слободе жити им не возможно, потому что от переславцев посадских людей разорены в конец без остатку, и нам В. Г. пожаловати бы их в Александрову слободу для их разорения и бедности на вечное житье перевозить не велеть, а жить бы им в Переславле залеском в нашей В. Г. Дворцовой рыбной слободе в тягле, а что поручныя записи по их в посад в тягле взяты — велеть выдать, чтоб им впредь от переславцев посадских людей продажи и убытков никаких не было. И как к тебе ся наша В. Г. грамота придет и ты, по прежней нашей В. Г. грамоте какова к тебе послана по челобитью переславцев посадских людей переславских сокольных помытчиков Терешку да Сеньку Степановых, Назарку Антропова, в Александрову слободу на житье высылать не велел, а велел им жить в переславлеж на посаде в нашей В. Г. Дворцовой рыбной слободе в тягле и на наш В. Г. обиход рыбы ловить и службы служить и всякия подати платить с прежними рыбными ловцами в ряд, а прочет сю нашу В. Г. грамоту и списав список, оставил в съезжей избе, а подлинную отдать им Назарке с товарищи. Писан в Москве лета 7185 Июля в 31 день.²

с. 35

Любопытно отметить, что исключение из артели помытчиков сопровождалось переводом исключённых в другую категорию дворцовых же служащих. В Александровой Новой Слободе, где был при царе Фёдоре конюшенный двор, они могли быть определяемы к этого рода службе или какой-либо другой, а в Переславле в Дворцовую Рыбную Слободу ловцами. Обращает на себя внимание последнее обстоятельство. Рыбные ловцы, как оказывается, по крайней мере, в некоторой части не были исконными и преемственно из рода в род занимающимися одним и тем же делом дворцовыми слугами. Состав их менялся и имел значительную связь с помытчиками, подтверждение чего увидим впоследствии в челобитной Петра Емельянова Жилкина, поданной им императрице Елизавете Петровне.³

с. 36

¹Найденов, Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найденов. — М., 1898. — С. 22—23.

²Владимирские губернские ведомости. — 1864. — № 20. — С. 102.

Сообщено К. Н. Тихонравовым, подлинная грамота хранится в делах Владимирской Удельной Конторы.

³См. стр. 51.

Из сопоставления его челобитной с приведённой грамотой можно допустить, что поручные записи посадских людей, из-за которых, по-видимому, возникло всё дело, повлекшее за собой увольнение трёх помытчиков, были даны при поступлении последних в переславскую артель и служили гарантией для правительства в правильности исполнения ими своих служебных обязанностей. Поручителями были лица из состоятельного класса — переславских посадских людей, отношение которых к помытчикам, насколько можно судить даже по настоящей грамоте, носило далеко не дружественный характер. Помытчики здесь жалуются, «что от переславских посадских людей разорены в конец без остатку», просят отобрать от них поручные, выданные при поступлении на службу, «чтобы им впредь от переславских посадских людей продажи и убытков никаких не было». Поручная, таким образом, была своего рода векселем, при помощи его посадские люди старались держать в руках помытчиков, занимавшихся наряду с своей службой разными ремёслами и торговлей под защитой своих привилегий и тем становившихся к ним в конкуренцию и прямую борьбу. Особенно ясно это раскрылось в царствование Петра I, когда интересы тех и других столкнулись ещё более.

с. 37

Судя по грамоте царя Фёдора, переславские помытчики не были подчинены местному воеводе; он приводил в отношении их лишь в исполнение распоряжения высшей власти, как передаточная инстанция. По-прежнему суд и расправа помытчиков находились в Москве. Здесь же по-старому сосредоточивались все их служебные интересы, но самая служба со смертью царя Алексея Михайловича стала легче. Дни необычайного расцвета соколиной охоты окончились вместе с ним. Его преемник царь Фёдор Алексеевич, как человек болезненный и слабый, был плохим охотником; совершенно не интересовался соколами, и если потешный двор продолжал существовать при нём, то только как необходимая и привычная принадлежность старинного уклада московской дворцовой жизни при значительно меньшем числе ловчих птиц, чем в предшествовавшее время.

Государь Пётр Алексеевич, подобно своему старшему брату, также не любил соколиной охоты, что не мешало, впрочем, ему иногда охотиться, и об одном случае на охоте царя в окрестностях Переславля-Залесского К. Н. Тихонравов сообщает следующее:

с. 38

Переславский второй гильдии купец Михаил Петров Попов рассказывал о своём прадеде Андрее Алексеевиче Попове следующее: это было в первый год пребывания Петра в Переславле. Прадед был соколиным помытчиком; будучи на охоте в заповедном месте, что ныне Ивановское болото, в 12 верстах от Переславля, он сидел и готовился накрыть сеткою налетевшего сокола. В эту минуту царь Пётр проезжал мимо с охоты, приближается к ловчому и спугивает ловчего. Разгорячённый Попов, не узнав Петра, вскричал: «убью»; Пётр на это отвечал: «как ты смеешь. Я твой царь». — Государь, сказал ловчий, я исполняю тобою же повелённое. Перед тем только вышел указ, дозволявший силою убивать того, кто на охоте подойдёт к ловчому и будет спугивать птицу. Пётр подарил Попову за такой ответ из своих рук шубу и пожаловал его в школьные старосты.¹

Впоследствии Пётр сам признавался ганноверской курфюрстине Софии о своём равнодушии к охоте: «Отец мой был страстным охотником, — говорить он, — но я не чувствую к этой забаве никакой склонности».² У царя Петра было много своих личных забав и ему было не до соколов. Были у него свои «потешные» сухопутные и морские, его занимали тысячи дел, о которых до него не имели понятия на Руси.

с. 39

Не нарушая окончательно соколиной охоты, он привёл её в крайний упадок; часть сокольников обратил в своих потешных, вместо 300 чел. оставалось их в 1695 г. лишь 50 чел.; число птиц с 3 000 штук в 1696 г. уменьшилось до 49 штук;³ вместо двух соколен осталась одна в с. Семёновском, а бывшая при отце в с. Коломенском нарушена. Птицы содержались, главным образом, для посылки в чужие страны в виде подарков их государям. «Кречеты,

¹Тихонравов, К. Н. Переславский Ботик Петра Великого / К. Н. Тихонравов. — М.: Издательство А. Мартынова, 1872. — С. 22—23.

²Соловьев, С. М. История России / С. М. Соловьев. — М., 1864. — Т. 14. — С. 254.

³Кутепов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 223.

соколы и ястребы, челиги кречатъи и сокольи и ястребы держатся в Семёновском на потешном дворе для употребления в посылки к Турецкому султану и к Персидскому шаху и в инья владения, без которых (птиц) пробыть не возможно»,¹ говорилось в одном из указов Преображенского приказа о ловле птиц.

Исходя из этих соображений государственной необходимости поддержания дворцовой сокольни, царь Пётр Алексеевич вместе с своим братом царём Иваном Алексеевичем дал переславским помытчикам жалованную грамоту в 1700 г., в коей подтверждены были все прежние льготы:

1. право на свободную торговлю,
2. свобода от податей и повинностей, кроме доставки птиц,
3. изъятие из ведения общегосударственного суда, кроме дел уголовных, с подчинением в судебном отношении Преображенскому приказу.

Там, между прочим, было сказано:

Вместо жалованья, пашенной и огородной земли, для прокормления домов своих, когда бывают от ловли птиц свободны, кормиться рукоделием своим и торговать в Москве и городах и сидеть в лавках с посадскими людьми в равенстве без всякого запрещения и, кроме птиц, никаких податей брать с ним и судом расправою, кроме Преображенского приказа, в других приказах и городех ведать их не велено, также и на дворы их постою не ставить.²

с. 40

По городской росписи 1691 г. в Переславле Залесском состояли в помытчиках следующие лица:

- Сенка Потапов,
- Ивашко Фёдоров с сыном Радкою,
- Ромашка Рябиков,
- Стенка Казаринов,³
- Якушка Казаринов,
- Ивашко Меньшиков с братом Володкою,
- Ивашка Патрекеев,
- Емелька Новиков,
- Васка Новиков с братом Федкою,
- Прошка Михайлов с сыном Дмитрашкою,
- Якушка Меншиков,
- Алешка Котов с детьми с Андрюшкою да с Ивашком,
- Лукашка Худяков,⁴

итого 19 чел., главным образом, хозяев помытчиковских дворов.

Через десять лет по переписи капитана Павла Зорина в 1711 г. в Переславле было помытчиковых в городе на посаде 22 двора, в них помытчиков 26 чел., у них сыновей

с. 41

¹Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 331.

²Кутенов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутенов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 281, 250 прим.

³В эти же годы был в Переславле иконописец Стефан Казаринов, написавший в 1682 г. хранящуюся теперь в Преображенском соборе икону «Распятие Иисуса Христа» с изображением в лицах вокруг креста семи таинств. Считается особенно замечательным изображение таинства брака, как редкий памятник русской жанровой живописи XVII ст. (См. подробнее об этом в книге: Смирнов, М. И. Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911. — С. 191.) Совпадение лет жизни помытчика и иконописца, их имён и фамилий невольно заставляют считать того и другого за одно лицо, но прямых указаний в справедливости своей догадки мы не имеем. Икона эта была написана для дьяка Никиты Максимовича Ведерницина, пожертвовавшего также икону Святой Троицы в церковь Входа во храм Пресвятой Богородицы (Богословскую). Быть может, и эта икона написана тем же Казариновым. Никита Ведерницин был дьяком в Переславской Съезжей избе с 1651 г. по 1689 г.; имел сына Афанасия и внука Ивана, служивших также подьячими, но в 1691 г. почему-то оба уволены от службы в Съезжей избе. (Найденков, Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найденков. — М., 1898. — С. 4, 5, 17.)

⁴Найденков, Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найденков. — М., 1898. — С. 11.

27 чел., братьев 2 чел., племянников 5 чел., внучат 5 чел., итого 65 чел.; кроме того, на Москве проживали дворами 3 чел.¹

На Семёновский потешный двор ими доставлено было при Петре I следующее количество птиц:

	Сокол (вместо 6 окладных)	Разница	Челига соколя (неокладные)
1700 год	7	+1	2
1701	5	-1	2
1702	4	-2	4
1703	3	-3	0
1704	7	+1	2
1705	7	+1	2
1706	6	0	3
1707	7	+1	2
1708	7	+1	1
1709	8	+2	0
1710	6	0	1
1711	7	+1	2
1712	6	0	3
1713	6	0	1
1714	10	+4	5
1715	9	+3	1
1716	2	-4	1
1717	10	+4	6
1718	9	+3	3
1719	3	-3	2

с. 42 За недоставленных птиц взымали деньгами, например, в 1703 г. взыскано по три рубля за сокола, всего 9 рублей, а в 1716 г. за малый принос «учинено помытчикам наказание: биты плетью в Преображенском Приказе»;² за большее же количество против установленного оклада никакого добавочного вознаграждения они не получали.

Быт и занятия переславских помытчиков того времени хорошо описывает справка, составленная Преображенским Приказом по случаю одного их челобитья.

Устроены они, — говорится там, — житьем в том городе [Переславле-Залесском] из дворовых беспашенных крестьян и из иных чинов охотники, и ведено им помыкать птиц соколов, кречетов и челигов и приносить к Москве (вешних 6, осенних 6 ж, итого по 12 соколов дикомытей в год), а кроме птиц иных никаких поборов и податей иметь с них не повелено, и бывают они в полевом сиденье весною с Благовещеньева дни по Петров день, а в осень с Ильина дни до Покрова и больше. А для прокормления домов своих меж полевого сиденья кормятся они рукоделием своим, кто чем имеет прокормиться, и торгуют в рядах с Переславскими посадскими людьми вместе изстари без всякаго запрещения, про что они посадские люди сами ведают, для того, что им кроме торгу и рукоделия с женами и детьми и прокормитца не чем, пашенной земли и сенных покосов и никаких угоден им нигде не дано, и в городе на посаде под дворовое и огородное строенье земли им не отведено, живут в купленных дворах.³

с. 43 Эти строки приказного документа ретроспективно освещают весь прошлый многовековой быт переславских помытчиков и придают ему надлежащую полноту. Оказывается, в противоположность помытчикам вологодским, двинским и прочим, переславские совершенно

¹Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 335—336.

²Кутепов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 250 прим.

³Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 336.

не имели земли и вынуждены были жить каким-нибудь мастерством или торговлей. Теперь становятся понятным все эти хлебники, седельники, кузнецы, мельники, о которых упоминается в грамотах великого князя Василия III и царя Василия Шуйского. Если бы не это, то привилегированным царским слугам было жить нечем. И тем не менее, несмотря на незавидное житье сокольников, были постоянные охотники записаться в их ряды, что в свою очередь свидетельствует о необыкновенно тяжёлом экономическом и правовом положении «дворовых беспашенных крестьян и иных чинов охотников».

Собственно, можно было помытчикам заниматься лично своими делами не более полугода, так как на ловле птиц они находились с конца марта (25 числа) по конец июня (29 числа) и с конца июля (20 числа) по октябрь и далее. Но, разумеется, их домашние занимались ремёслами и торговлей круглый год и возможно, что некоторые, благодаря своей энергии и сметке, довели размеры своей торговли до значительных оборотов и конкурировали с настоящими переславскими купцами, составлявшими в то время значительную группу и во всяком случае имевшими заручку в местном Магистрате.

Торговое значение современного Переславля ничтожно, между тем как в старину это был значительный торговый пункт, расположенный на Северной дороге из Москвы в Беломорье. В XVII в. Переславлем как торговым городом интересовались шведы и включили его во времена Кардисского мира в перемирную грамоту в качестве пункта, где они могли иметь своё подворье. С завоеванием Балтийских портов, переславские купцы стали вести торговлю с Санкт-Петербургом и Ригою, Малороссией и Оренбургом.¹

с. 44

На право свободной беспошлинной торговли помытчиков переславские купцы давно смотрели косо и мирились с нею, как с неизбежным злом. После того, как был издан Петром регламент, переславские купцы постарались обратить его в орудие борьбы с помытчиками. Так как по регламенту разрешалось торговать только тем лицам, которые записались в купечество, а из незаписанных только крестьянам предоставлено было право продавать на базарах продукты своего хозяйства, то переславский Магистрат и купцы стали чинить им разные препятствия и толковать этот закон, как ограничение прав сокольных помытчиков.

Это обстоятельство, с точки зрения помытчиков несправедливое, было обжаловано ими в челобитной 27 июля 1717 г., принесённой их старостой в Преображенский Приказ, где со времён Петра вместо Тайного Приказа ведались дела, касающиеся соколиной охоты. В ответ на это

и того ж 717 году Августа в 1 день по указу Его Им. Величества и по приказу ближняго стольника князя Федора Юрьевича Ромодановскаго послана Его Им. Величества из Преображенскаго Приказу грамота в Переславль-Залесский к Ландрату велено переславским сокольим помытчиком, когда они бывають от полевого сиденья свободны, в Переславле и на Москве, для прокормления домов своих, торговать со взятъем пошлин, а опричь оброчных птиц на них помытчиков иных никаких оброков и податей не накладывать, для того, что им против иных городов их же братья помытчиков земель и санных покосов и никаких угоден не дано.²

с. 45

При решении спора правительство избрало средней путь: домогательство купцов о полном воспрещении было отвергнуто, но вместе с тем торговля разрешена помытчикам только при условии уплаты пошлин. Это уже совсем иное, небывалое дотоле положение, нарушавшее привилегии 1700 г. Тогда прямо было сказано, что «вместо жалованья...» разрешается им «торговать в Москве и городах, и сидеть в лавках с посадскими людьми в равенстве безо всякаго запрещения». При таком же решении можно считать, что Магистрат выиграл больше в этой борьбе, чем помытчики и нанёс удар их старинным привилегиям.

В дальнейшем разные преобразования Петра финансовый и податные ещё более колебали вековые устои сокольничего быта и грозили уравнением положения помытчиков с общею податною массою.

¹См. об этом подробнее: *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911. — С. 180—183.

²Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 339.

Особенно это нужно сказать относительно указа 9 января 1723 г., коим помытчики и их дети зачислялись в подушный оклад наравне с прочими крестьянами: «помытчиков и детей их, которые имеют земли, числить против однодворцев, а в расположении полков в подушный оклад с прочими класть наряду».¹

с. 46 Опубликование этого указа было дальнейшим уничтожением привилегий помытчиков и нанесило сильный удар их благосостоянию. Как зачисленные в подушный оклад, они обязаны были теперь исполнять все государственные и общественные повинности, а вместе с тем по-старому были обязаны поставлять ко двору ловчих птиц; лишены они были своих особых прав, но не освобождены от обычных своих обязанностей. Хотя безземельных переславских помытчиков указ этот и не должен был бы касаться, но в Переславле действие его распространили и на них. Ввиду явной несправедливости 10 июня 1724 г. они подали Государю Петру I челобитную, состоявшую из следующих десяти пунктов:

1. В прошлых де годах издревле поимянным предков Его Им. Велич. блаженные памяти в-х г-рей царей в-х князей Российских указом и по жалованным грамотам, каковы даны прадедом и дедом их переславским сокольим помытчиком больше двусот лет, по которым ведено им помыкать птиц соколов, кречетов, и челигов и ястребов и приносить в Москву.
2. А Его Им. Вел. никаких окладных податей, кроме оброчных птиц, брать с них не поведено, а вместо жалованья поведено им кормитца меж полевого сиденья, рукоделением своим и торгом.
3. А ныне де повелено подать скаски о душах мужска полу всякаго звания людям и освидетельствовав, которые подлежат, положить в оклад.
- с. 47 4. И в 722 де году в указе Им. Вел. от канцелярии свидетельства мужска пола душ в Переславской провинции публиковано о подании сказок, в котором показано, чтобы переписать всякаго звания людей и их помытчиков для исчисления, а в подушный оклад класть ли, того де об них не показано.
5. А прошлаго де 723 году Сентября 28-ого числа, по распоряжению Камор-Коллегии повелено оной осмигривенный сбор собирать с крестьян и бобылей и с однодворцев и с разночинцев и с новоселенных слобод, которые между черкасами русские; также с рейтор и с копейщиков и воротников и прочих, а об них де помытчиках в том указе не написано.
6. И однодворцы де имеют у себя пашенные земли и людей и крестьян и оброчные статьи, от чего себе имеют пропитание.
7. А им де помытчикам изстари ни какого жалованья не даетца и пашни и сенных покосов и никаких угодей на пропитание им нигде ничего не дано.
8. А ныне де Переславль-Залесского в Камерирскую контору для сбора подушных осмигривенных денег присланы перечневые книги, в которых де и они помытчики написаны, и тех де денег, как же и в новозаложенный набор солдат на них правят, и держат под караулом в день бьют на провеже, а к ночи сажают в тюрьму, и от того де караульного задержания и провежу сокольи ловле учинилась остановка и в полевом сиденье для соколы ловли сидеть стало не кому.
- с. 48 9. А Переславские де Ратушной бургомистр,.. ны для прокормления домов их торго... в рядех ничем не дают.
10. Чтобы с них те подушные деньги и солдаткой набор сложить и из окладу выключить, дабы от того платежа им не приитти во всеконечное разорение и в недолове соколов от Импер. Велич. во гневе не быть и торговать бы им с Переславцы посадскими людьми по прежнему.²

Правительство отнеслось к слезной просьбе, вызванной крупной переменой их положения, совершенно безучастно и совсем не тревожилось об участи помытчиков. То было время

¹Указы императора Петра Великого, состоявшиеся с 1714 по кончину его императорского величества, генваря по 28 число 1725 году. — СПб., 1739. — С. 592.

²Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2. — С. 339—340.

Почему-то в этой челобитной помытчики не упоминают о «полтинных деньгах», которыми они были обложены Ижерской (Ингерманладской) Канцелярией в 1704 г. (Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 8. — № 6006. — Т. 2. — С. 737.), по-видимому, на судостроение (Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России / П. Н. Милюков. — СПб., 1905. — С. 109, 150).

реформ и коренных преобразований государства. А известно, что когда лес рубят, щепки летят. Правительство так и считало, что жертвы и потерпевшие от этого неминуемо должны быть и не торопилось с ответом на челобитную, оставляя её без ответа.

В таком положении для переславских помытчиков окончилось царствование Петра I, прошло царствование Екатерины I и Петра II. Правда, в последние два царствования на соколиную охоту стали обращать больше внимания, но положение помытчиков оставалось тоже. Хотя внук Петра Великого был самый неугомонный охотник, можно сказать, большую часть своего недолгого царствования провёл в лесу и в поле с собаками и соколами, но облегчения положения провинциальных помытчиков не последовало.

Хотя дело их было довольно безнадёжно и в последующее время, но всё же случались проблески улучшения. Так, царствование Анны Ивановны, любившей впрочем преимущественно ружейную охоту и травлю зверей, началось для переславских помытчиков небольшим облегчением. 24 марта 1732 г. в ответ на челобитную их Сенат приказал: «положенных на них в 1704 г. по указу от Ижерской канцелярии полтинных денег не взыскивать и из доимки выключить для того, что в подушный оклад платят на Ярославский пехотный полк подушныя деньги с 78 душ, а по Плакату 724 г. сверх подушных и положенных в том Плакате денег, никаких податей имать не велено».¹

с. 49

Между тем на местах помытчикам чинились разные притеснения: им стали препятствовать на частных землях ловить соколов. По этому поводу

в апреле 1733 г. в Сенат было прислано управлением императорской охоты представление, в котором указывалось, что до сего времени, руководствуясь бывшими указами, переславские и ростовские помытчики помыкали соколов в помещичьих и монастырских угодьях при озёрах, но что приказчики и старосты тех мест стали ныне делать помытчикам всевозможные препятствия, и соколов помыкать не дают и с мест ссылают, и птиц всяких стреляют и в помычке чинят великое помешательство. Рассмотрев это дело, Сенат приказал послать в Московскую губернию указ с крепким подтверждением, чтобы помытчикам в оговорённом отношении никто и никакого помешательства не чинил.²

Пойманных с таким трудом птиц в Москве принимали необычайно строго. За малейшие упущения помытчиков били, если находили, что птица не в «теле» или с заломанными перьями. В одно время (1740 г.) вышло распоряжение отвозить птиц в Санкт-Петербург и сдавать в Правительствующий Сенат, что было, при дальности расстояния, новым обременением переславских помытчиков.

с. 50

Помытчики вздохнули несколько полегче при Императрице Елизавете Петровне. Сама она была большая любительница всех видов охоты и нередко охотилась с соколами; знала этот спорт очень хорошо и любила его. В Александровой Слободе Переславского уезда, доставшейся ей по наследству, при дворце она устроила себе охотный двор с сокольней и псарней. Во время своего пребывания здесь, то добровольного, то вынужденного, частенько тешилась в окрестностях Слободы с ловчими птицами. После того, как стала императрицей, всё реже и реже позволяла себе это удовольствие и потом только наблюдала со стороны за охотой, не принимая в ней активного участия.

При Императрице Елизавете, в начальные годы её царствования (1744—1748), насчитывалось помытчиков 868 человек. Кроме старинных помытчиков переславских, были наряду с ними — ростовские, ярославские, суздальские, коломенские, вологодские, белозёрские, двинские, поволжские и так далее. Переславских помытчиков в эти годы было 83 человек. Это были комплектные или штатные, кроме их были резервные или, по терминологии того времени, «закомплектные». Один из таких закомплектных помытчиков крестьянин села Горок Переславского уезда Аким Петров был вытребован в 1750 г. в Московскую царскую птичью охоту.³

с. 51

¹ Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 8. — № 6006, с. 737.

² Кутенов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутенов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 251, прим. 45.

³ Кутенов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутенов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 271, 264 прим., 177 прим.

Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 12. — № 9551 с. 935.

Любопытным образчиком того, как производилось зачисление в состав помытчиков, служит следующая челобитная, поданная в ноябре 1744 г. в Обер-Егермейстерскую Канцелярию:

Доносит птичьей охоты соколий помытчик Пётр Емельянов сын Жилкин, а о чем мое прошение тому следуют пункты.

1) Отец мой был г. Переславль Залесскаго Рыбной Слободы Емельян Дорофеев, который в 183 г. из оной Рыбной Слободы по присланной грамоте блаженный и вечнодостоинныя памяти царя Алексея Михайловича из приказа Большого двorca взят был на место помытчика сокольничья сотни Андрея Константинова в соколы помытчики охотою по поручной записи и по оному определению оный отец мой помыкал в Семеновское на потешный двор соколов и ястребов с своею братиею вместе, и волею Божию умре. А я, именованный, остался после отца своего в малых летах и стал быть в возрасте и женился, и прижил с женою своею дву сыновей, — Леонтия да Григория Петровых, и в 701 г. мая 27 дня, именованный, взяв показанную данную отцу моему грамоту, объявил покойному князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, и потому я отослан был к охоте в Семеновское на потешный двор помытчиком, а как состоялась первая перепись генерала Григория Петровича Чернышева и давали сказки, потом имена, наши отосланы были в Преображенский Приказ и смотрели нас на съездем дворе и записали нас Семеновскаго потешнаго двора, и скаски с нас взяты за нашими руками, и в подушный оклад как отец мой Емельян Дорофеев, так и я, именованный, и с детьми моими нигде не положены.

2) А в 1738 г., в генваре месяце, подавал я, именованный, бывшему Волинскому доношение об определении детей своих к птичьей охоте, и по тому моему прошению определен токмо один сын мой Григорий Петров помытчиком, который и ныне Ваш. Им. Величеству при птичьей охоте служит без всякаго пороку, и сын мой Леонтий без всякаго определения и без пашпортов определяется праздно.

3) И дабы Ваш. Им. Велич. указом поведено было мне, именованному, и с сыном моим Леонтием от Обер-Егермейстерской Канцелярии дать для нашего прошения пашпорт для указу.

Всемилоостивейшая Государыня, прошу Ваше Им. Величество о сем моем прошении милостивое решение учинить.

К поданию подлежит в Егермейстерскую Канцелярию.¹

Неизвестно, удовлетворена ли была просьба Жилкина, но это для нас и не важно. Интересно отметить ту особенность, с которою обставлялось вступление в артель помытчиков. Подавалась челобитная, давались поручные записи, на зачисление в помытчики присылалась грамота из Москвы. И, по-видимому, этот порядок вёлся исстари и сохранился до конца.

Не имея точных сведений относительно оброка помытчиков при императрице Елизавете, можно указать лишь на отдельные годы, сколько фактически поступало из Переславля-Залесскаго птиц; так, например, в 1751 г. — 8 соколов-дикомытей и 3 сокола вешняка, итого 11 штук, то есть приблизительно то же, что и в начале XVIII ст.²

При императрице Елизавете было подтверждено несколько прежних привилегий помытчиков, а именно: особый их суд (в 1747 г.) и не выбиранье ни в какие городские должности (1752 г.). И то, и другое было установлено старинными грамотами. Первое состояло в том, что судил помытчиков сам князь великий, или его сокольничий, со времён Алексея Михайловича их «судом и расправою» ведал Семёновский потешный двор; теперь по приказу императрицы это переходило в ведение Обер-Егермейстерской Конторы, что было подтверждено потом императрицей Екатериной II. О втором встречается в старинной грамоте царя Шуйского (10 июля 1606 г.), «с черными людьми городскими, — говорилось там, — ни с ценовальники, ни с сотскими, во всякие подати тяглы не тянуть»; теперь воспоследовало Высочайшее подтверждение, чтобы помытчики были свободны от обязанностей по городу и не выбирались в должностные лица, что, видимо, с течением времени также стало забываться.³

¹Кутепов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — С. 262, прим. 476.

²Там же. — С. 250.

³Там же. — С. 251, 286.

Не ограничиваясь подтверждением прошлого, Елизавета Петровна внесла некоторые облегчения в жизнь помытчиков вновь. Одной из тяжёлых повинностей для них была рекрутчина, наборы, лишавшие их самых молодых и сильных работников. Обер-Егермейстерская Контора поэтому ходатайствовала о них перед Сенатом о даровании им льготы. 17 ноября 1748 г. Сенат, приняв во внимание, что «помытчики сверх подушного оклада ко двору Ея Им. Величества по прежним их грамотам, ловя птиц, ставить и в Москву привозить должны, к тому же находятся они в разных местах и число душ невеликое», определил указом:

с. 54

Соколых помытчиков, в предбудущие наборы рекрут натурою не брать; а когда рекрутские наборы будут, тогда их, приписывая к прочим государственным, дворцовым, монастырским или помещиковым крестьянам, в складку брать деньгами, по чему с души при тех рекрутских наборах указами определено будет.¹

Можно было на основании этого откупиться деньгами.

Но по пословице «милует царь, да не жалует псарь», в то время Переславский Магистрат продолжал старинную упорную борьбу с помытчиками на почве торговых отношений и причинял им жестокие неприятности. Как указывалось ранее, переславские безземельные помытчики были торговцами поневоле. Без неё существовать им было трудно и почти нечем. А так как их было при императрице Елизавете свыше 60 человек, то в общей массе они чинили купцам подрыв в торговле немалый и были, как говорится, бельмом на глазу, от которого последние не знали, как избавиться. Нужно при этом сказать, что торговое положение Переславля-Залесского начало в то время падать, и, следовательно, местным купцам жилось и без того не очень хорошо. Тогда в лице своего Магистрата они всячески стали доносить без вины виноватых помытчиков всякими способами и совершенно не считались с их исключительным положением. В своей челобитной, поданной в Обер-Егермейстерскую Канцелярию через своего поверенного Андрея Баженова, помытчики говорили, что

с. 55

Переславский Магистрат и купечество, не взирая на жалованные им грамоты, до торгу уже с 1743 г. не допускают их, чиня при том обиды и разорения, и постой к ним ставят многолюдственно, а кто из них силою грамоты станет отговариваться, таковых бьют немилосердно; а ныне в покупке под строение дворов земли учинили запрещение, чем наиболее приводят их в изнеможение, и хотя от них в Обер-Егермейстерскую Канцелярию и происходили прошения, а от оной в Главный Магистрат, из сего же многими в Переславский Магистрат же, о нечинении им в торговле воспреещения указом подтверждала; точию оный Магистрат не токмо по оным не исполнял, но и вящше прежних ещё обиды причинял, да и у оного повереннаго Баженова в 1739 г., запечатав лавку, и поныне не распечатывает, и не токмо для продажи, но и до вынужения из оной товаров в ту лавку не допускает. И от таких обид, разорения и от недопущения до торгов они, помытчики, не имея никакой земли, паче же за выбылью в разныя по указам службы и умершими не малого числа душ, не точию к помыканию потребных птиц, которую службу они исполняют своим коштом, но и к платежу государственных поборов пришли в несостояние и совершенную нищету.

Перечислив все обиды, Баженов просил,

с. 56

чтобы их помытчиков от таких обид защитить и в торгах, в силу предписанных жалованных им грамот, дозволить, и на дворы их постоев ставить не велеть, также если кто пожелает, им дворы, лавки и землю уступить во владение, ибо из помытчиков многие, не имея собственной земли, на чем бы могли построиться, скитаются меж двор, учинить дозволение.

Своё ходатайство поверенный переславских помытчиков подкреплял целым рядом старинных грамот:

¹ Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 12. — № 9551, с. 936.

В жалованных им, помытчикам от Государей Царей и Великих Князей Василия Иоанновича, Иоанна Алексеича и блаженные и вечной славы достойныя памяти Государя Им. Петра Перваго в 7015, 7114, 1700 и 1717 г. г. грамотах написано: из Переславль Залесскаго соколых помытчиков ни в каких делах нигде, oprичь душегубства, кроме их Великих Государей и Преображенскаго Приказа, не судить и никаких податей, кроме птиц, с них брать и в городския службы выбирать, також воеводам и прочим посыльным людям подвод требовать и на дворы их постоев ставить и никаких утеснений чинить не ведено; також когда они бывают от соколы ловли свободны, в Переславле Залесском и на Москве, для прокормления домов их, торговать со взятъем с них пошлины повольно, для того, что им соколым помытчикам, против иных городов, их же братии соколых же помытчиков, земель и других угодий им не дано.

с. 57 23 декабря 1760 г. Сенат, рассмотрев это дело и приняв во внимание жалованные грамоты, всё же отдал предпочтение закону общему и отказал помытчикам в ходатайстве, воспретив им прежнюю торговлю.

с. 58 Объявленным Переславль Залесскаго соколым помытчикам, — говорится в Сенатском указе, — в произведении купческаго (кроме дозволеннаго, состоявшимся в 755 г. Таможенным Уставом, крестьянству) торга, отказать, для того, хотя по жалованной им помытчикам 1717 г. грамоте, торговать в Переславль Залесском и на Москве и велено; но по Уложению и состоявшимся Главнаго Магистрата Регламентом и именным блаженные и вечной славы достойной памяти, Государя Им. Петра Великаго, 208 и 722 г. г. указами, генерально всем, не записався в купечество, торговать запрещено: по чему за силою оных законов, дозволения в произведении торгов дать им не возможно; и теми крестьянству дозволенными торгами, им помытчикам торговать не воспрещать. Что же касается до городской службы и постоев на дворы, то по силе вышеприведенных жалованных им грамот, которыми они помытчики точию для той их помытчьей службы уволены, и ныне от того оставляются свободными ж. Также за неимением никакой земли, кто пожелает из купчества им, помытчикам, под дворы и прочее земли во владение уступать; в том Переславском Магистрату препятствия и никаких притеснений и обид не чинить. Упоминаемаго ж Андрея Баженова с детьми и внучаты, по его торговым промыслам, и как в челобитье своем объявляет, что прадеды и деды и отец его, Баженова, были гостиной сотни купцы, но желание его быть в купчестве, в силу вышеобъявленных Уложения Регламента Главнаго Магистрата и именных 208 и 722 г. г. Высочайших указов Главному Магистрату, по тем его торговым промыслам освидетельствовав в том Переславле Залесском в купчество записать и положить его против прочих купцов в обыкновенный оклад; однако, будучи в купчестве, и прежнюю соколью службу на всегдашнее время потомственно ему, Баженову, исправлять тож. Буде и другие кто из помытчиков Переславля Залесскаго пожелают по торговым их промыслам в купчестве же быть, о записи их Главному Магистрату чинить надлежащее в силу указов определение; ибо из того в службе помытчьей, хотя б оные и все в купчество были записаны, ни малаго опущения быть не может, для того, что они прежнюю их службу, против вышеписаннаго, потомственно исполнять должны.¹

Но царствование Елизаветы Петровны, относившейся участливо к помытчикам, закончилось для них потерей весьма жизненной привилегии — торговой. Чтобы иметь право торговать, надо было записаться теперь в купчество. Но в то время как для купца не было никаких других обязанностей, помытчик не освобождался от птичьей ловли. Быть переславским помытчиком в это время — не значило быть привилегированным слугой дворцового ведомства, а ограниченным и стесненным в своих правах безземельным человеком, который при всём желании не мог избавиться от своей службы и своей доли.

с. 59 Через два года после этого распоряжения вступила на престол императрица Екатерина II. С её воцарением начался новый расцвет соколиной охоты. К этому виду спорта императрица пристрастилась по восшествии на престол и собственно любила смотреть со стороны из экипажа на воздушную борьбу прирученных пернатых хищников, активного же

¹Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 15. — № 11177, с. 592—594.

участия в самой охоте не принимала; не сама она охотилась, а для неё охотились. В первую половину своего царствования она много времени посвящала этому удовольствию и целыми часами не могла отрываться от такого зрелища. С течением времени, когда годы императрицы стали уходить, всё реже интересовалась охотой и совершенно прекратила выезжать на неё за пять лет до смерти.

Хотя посылка соколов и кречетов в подарки соседним монархам была отменена Екатериною в самом начале своего царствования, но нужда в ловчих птицах для двора самой государыни была временами столь значительная, что от помытчиков требовалась большая напряжённая работа. В противоположность временам царя Алексея Михайловича она совершалась при тяжёлом правовом и экономическом положении помытчиков, особенно переславских. Бывали моменты, когда это напряжение достигало крайних пределов. Происходило это в те времена, когда императрица устраивала по поводу разных событий торжественные соколиные охоты то в Санкт-Петербурге, то в Москве. В окрестностях новой столицы такая охота была устроена, например, для заграничных гостей во время бракосочетания наследника престола Павла Петровича (в 1773 г.), а в окрестностях Москвы по случаю Кучук-Кайнарджийского мира (1775 г.).

Готовясь к торжествам, Обер-Егермейстерская Контора писала (в 1775 г.), что «в птицах ныне состоит против прежних лет большая надобность». Поэтому ею были посланы указы помытчикам переславским, ростовским, ярославским, вологодским, белозёрским, суздальским и коломенским с накрепчайшим подтверждением,

с. 60

чтобы они по получении оных указов, ни мало не мешкав, все поголовно вышли на помцы и старались оных птиц помкнуть, как возможно с наибольшим удовольствием, и как скоро где тех птиц помкнуто будет, то оных тотчас, в силу прежде посланных к ним, помытчикам, указов, и приносить в Москву к охоте во всякой исправности, не дожидаясь многого числа.¹

Такие моменты были самыми тяжёлыми в истории помытчиков. Птиц в то время становилось всё меньше и «с наибольшим удовольствием» ловить не приходилось; мучиться же из-за них и проводить время в бесплодных розысках доводилось неизбежно. Пойманных птиц нарочным надо было отправлять в Москву почти поодиночке, не дожидаясь, когда скопится их несколько штук; следовательно, приходилось излишне тратиться на служебные поездки в Москву.

Да и в самой Москве казённых дворов, где обычно останавливались помытчики при доставке птиц, стало не хватать; нужно было также расходиться на постоянные дворы или частные квартиры. Тогда переславский помытчик Андрей Попов купил для этой цели особый двор, куда стали съезжаться его земляки, их было до 70 человек, а быть может, и другие помытчики. По поводу этого двора у Обер-Егермейстерской Конторы возникла переписка, доходившая до Сената. В 1776 г. она доносила Сенату:

с. 61

Ныне по умножению птиц приходящие [в Москву] с ними помытчики в трёх дворах [в Москве] поместиться никак не могут, потомучто должны они до приёму от них птиц на Семёновском потешном дворе, приготавливая к отдаче годными, жить на тех дворах по немалому времени, и за таковым утеснением трёх дворов куплен ещё переславским сокольим помытчиком, здешним жителем Андреем Поповым состоящий за земляным городом, в приходе Богоявленья Господня, что в Елховке, на котором постой содержится и полицейские должности отправляются, и хотя о увольнении от оных от Конторы Московской Полиции и сообщено двоекратно, но она не увольняет. А как по необходимости для птичьей охоты означенного помытчика Попова двор не отменно построен, то и просила, дабы, сверх уволенных от постой и служб трёх дворов,

был бы также уважен и двор Попова. По рассмотрении дела Правительствующий Сенат ходатайство уважил и частный дом переславского помытчика стал пользоваться привилегиями наравне с казёнными.²

¹Кутенов, Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутенов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век. — Прим. 481.

²Там же. — Прим. 485.

с. 62 Эта была единственная милость к переславским помытчикам Северной Семирамиды, вызывавшей удивление иностранцев богатством своей соколиной охоты. В общем, дела помытчиков шли на ухудшение и положение их носило неопределённый характер. Теперь вслед за Магистратами ополчились против них провинциальные Казённые Палаты, стремившиеся обложить их всеми податными повинностями. В результате этих домогательств в Сенате два раза при Екатерине поднимался вопрос об уравнивании помытчиков в налоговом отношении с крестьянами. Но императрица с этим не соглашалась. С другой стороны, она также не согласилась с Обер-Егермейстерской Канцелярией, покровительственно и участливо относившейся к помытчикам, когда та в докладе о новых штатах императорской охоты проектировала оставить за ними целый ряд старинных льгот и в том числе свободу торговли. На этом докладе государыня положила такую резолюцию: «О сокольных помытчиках остаться впредь до рассмотрения на прежнем основании».¹

Окончательного «рассмотрения» не последовало в течение всего долгого царствования императрицы Екатерины, не решавшейся найти надлежащий выход из запутанного положения. И дело помытчиков в таком виде продолжало тянуться при императоре Павле I. Но 9 марта 1800 г. был дан Сенату написанный собственноручно государем следующего содержания указ:

Состоящих по разным губерниям сокольных помытчиков, исключая помыкающих кречеты Казанской губернии ста двух душ, повелеваем обратить от ныне в дворцовые крестьяне, обложив податями и подчинив в ведомство Казённых Палат на равне с прочими казёнными поселянами, и коим не достаёт земли, тех снабдить оными; кречетых же помытчиков в казанской губернии оставляем на прежнем основании.²

с. 63 При императоре Николае I по указу 19 августа 1827 г. были освобождены от своих обязанностей и казанские помытчики. Вместе с тем нарушилась при дворе самая соколиная охота. В последний раз она происходила в 1856 г. на коронационных торжествах императора Александра II. По этому случаю были привезены в Москву из Оренбургской губернии беркуты и ими пробовали травить волков и лисиц.³

Таким образом, переславские помытчики прекратили своё существование несколько раньше, чем соколиная императорская охота: они не дожили столетия до её окончательной ликвидации. Но нужно сказать, что эти годы были временем упадка и окончательного увядания её, что в свою очередь делало излишним существование значительного штата помытчиков. Так что уничтожение института помытчиков, в числе которых находились и переславские, было естественным и неизбежным. Финальный указ Павла I не заключал в себе чего-нибудь насильственного и был необходимым выводом из всей предшествовавшей истории отжившей свой век организации.

с. 64 Подтверждением последнего служит также общий упадок соколиной охоты в XIX в. Частные охотники в то время, за редким исключением небольшого числа помещиков, оставили уже охотиться с ловчими птицами. Ружье, пришедшее к нам с запада при царе Иване IV, вытеснило этот вид охоты на Руси окончательно и настолько бесповоротно, что попытка реставрировать её окончилась полной неудачей. Возникшее в 80-х годах прошлого столетия в Санкт-Петербурге «Общество соколиной охоты», просуществовав несколько лет, распалось, не произведя никакого заметного влияния на возрождение этого спорта. Теперь в пределах Европейской России охотятся с соколами, можно сказать, одни степные инородцы. В большем числе подобные охотники встречаются в Азии и Африке, но сохранились собратья им по спорту местами и в Западной Европе, особенно Англии, где умеют бережно хранить старинные традиции.

Помимо общего упадка соколиной охоты, на судьбу помытчиков оказали роковое влияние несовершенство их организации, становившейся в противоречие с менявшимися условиями жизни, и обособленность их среди окружавшего населения. Начавшись довольно рано, обособленность эта, состоявшая из разных льгот и преимуществ, постепенно увеличивалась и достигала высшей точки своего развития при царе Василии Шуйском. В общем

¹ Там же. — Прим. 499.

² Собрание указов за 1800 г. Нижегородской Учёной Архивной Комиссии.

³ Галлер, К. П. Охота с соколами и ястребами / К. П. Галлер // *Природа и Охота*. — 1882. — Июль.

укладе древнерусского быта она занимала своё надлежащее место и гармонировала с ним. Но с XVIII столетия по мере того, как вводились реформы за реформами, исключительность положения помытчиков стала давать себя знать всё чаще и больше. Действительность требовала или реформировать, или уничтожить их обособленность, заменив, например, покупкою птиц у вольных охотников добывание их при посредстве специальных помытчиков. Но в силу инерции дело протянулось на всём пространстве XVIII столетия...

Переславские помытчики, как группа царских слуг, перестали существовать после шестивекового служения князьям, царям и императорам. Получив начало во времена князей Переславских, долгое время они оставались сокольниками, то есть в том именно виде, как служили своим удельным владетельным князьям. С течением времени это положение подвергалось изменению. До времён царя Алексея Михайловича доставляли ко двору выношенных птиц и таким образом более или менее сохранили за собой черты прежних сокольников. С того же времени в течение полутора веков были исключительно помытчиками.

с. 65

После упразднения они стали дворцовыми крестьянами и получили себе в надел землю, которой не имели в течение целого ряда столетий. По силе царского указа (1800 г.) произвела с ними эту ликвидацию Владимирская Казённая Палата; в архиве её должно быть дело, которое могло бы нам рассказать много любопытного об этом. Ведь кроме беспашенных крестьян среди помытчиков было немало «иных чинов охотников». Были ли они обращены в крестьян, или для них сделано исключение? Где поселены бывшие помытчики, какие наделы даны им, сколько их было и тому подобное?..

Не менее любопытно иметь теперь сведения, что сохранилось в Переславле-Залесском через сто лет после обращения их в крестьян. Казалось бы, группа, просуществовавшая шестьсот лет, не могла в течение одного столетия потерять все следы. Должно же что-нибудь остаться, хотя бы в виде воспоминаний. Может быть, в иных семьях крестьян и купцов переславских сохранились орудия соколиной охоты и вообще какие-либо вещественные памятники. Всё это следовало бы собрать и сохранить. Но, к сожалению, проживая вдали от Залесья, мы лишены возможности выполнить эту задачу и предоставляем её любителям родной старины, проживающим на месте. Пусть также они расскажут, какое отношение к данному вопросу имеют расположенные в окрестностях Переславля деревни: «Сокольская Слобода» (Соколка) Переславской волости, «Большие Сокольники» и «Малые Сокольники» Глебовской волости. Не здесь ли поселены бывшие помытчики? Не обращены ли они были потом в крепостных? Хорошо бы это узнать, пока не всё ещё забыто.

с. 66

Нижний Новгород
11 декабря 1911 г.

Действительный член
Владимирской учёной архивной комиссии
М. И. Смирнов.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1841. — Т. 1.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1846. — Т. 1.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 1: 1294—1598 гг.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 2: 1598—1613 гг.
5. *Владимирские губернские ведомости*. — 1864. — № 20.
6. *Галлер, К. П.* Охота с соколами и ястребами / К. П. Галлер // *Природа и Охота*. — 1882. — Июль.
7. *Герберштейн, С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. — СПб., 1896.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1846. — Т. 1.
9. *Журнал Охоты Императорского Общества*. — 1875. — Сентябрь.
10. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского / Н. М. Карамзин. — Т. 4.
11. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского / Н. М. Карамзин. — Т. 7.
12. *Кутепов, Н. И.* Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1898. — Т. 2: XVII век.
13. *Кутепов, Н. И.* Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси: Исторический очерк / Н. И. Кутепов. — СПб., 1902. — Т. 3: конец XVIII и XIX век.
14. *Милюков, П. Н.* Государственное хозяйство России / П. Н. Милюков. — СПб., 1905.
15. *Найденов, Н. А.* Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найденов. — М., 1898.
16. Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830.
17. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1818. — Т. 1.
18. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1841. — Т. 3.
19. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1856. — Т. 7.
20. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1859. — Т. 8.
21. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1885. — Т. 10.

22. Приклонский, И. О Московской Трифоновской, что в Напрудной Слободке, церкви / И. Приклонский, протоиерей. — М., 1884.
23. Прохоров, В. А. Русские древности / В. А. Прохоров. — СПб., 1877. — Т. 2.
24. Русская Правда. — М.: Издательство Н. В. Калачёва, 1847.
25. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под ред. Г. В. Есипова. — М., 1872. — Т. 2.
26. Свирелин, А. И. Переславское озеро и Рыбная слобода / А. И. Свирелин // Калачёв, Н. В. Архив исторических и практических сведений / Н. В. Калачёв. — М., 1863. — Т. 5.
27. Смирнов, М. И. Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911.
28. Смирнов, М. И. Село Большая Брембола / М. И. Смирнов. — Владимир, 1908.
29. Смирнов, С. И. Житие преподобного Даниила / С. И. Смирнов. — М., 1908.
30. Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. 1.
31. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольнича пути, с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова. — М., 1856.
32. Соловьев, С. М. История России / С. М. Соловьев. — М., 1858. — Т. 5.
33. Соловьев, С. М. История России / С. М. Соловьев. — М., 1864. — Т. 14.
34. Стромиллов, Н. С. Александрова Слобода до Грозного / Н. С. Стромиллов. — М., 1884.
35. Тихонравов, К. Н. О ловле сельдей в озере Плещееве / К. Н. Тихонравов // Владимирский сборник. — М., 1857. — С. 14–22.
36. Тихонравов, К. Н. Переславский Ботик Петра Великого / К. Н. Тихонравов. — М.: Издательство А. Мартынова, 1872.
37. Указы императора Петра Великого, состоявшиеся с 1714 по кончину его императорского величества, генваря по 28 число 1725 году. — СПб., 1739.
38. Щекатов, А. Словарь географический Российского государства / А. Щекатов, Л. Максимович. — М., 1804. — Т. 2.

Предметный указатель

Александровская слобода.....	5, 15	Обер-Егермейстерская Канцелярия..	6, 10, 12, 22, 23, 25, 26
Англия.....	26	Общество соколиной охоты.....	26
Благовещенья день.....	18	однодворцы.....	20
бобры.....	3	Оренбургская губерния.....	26
Большая Брембола село.....	4	Петров день.....	18
Большие Сокольники деревня.....	27	Плещеево озеро.....	3
бортники.....	3	Покров день.....	18
бургомистр.....	20	Поморье.....	8
Ветлянка река.....	4	помытчики соколы.....	7
Владимирская казённая палата.....	27	Преображенский приказ.....	9, 17, 19, 22, 24
Волоколамск город.....	7	приказ Большого дворца.....	22
гнездарь.....	10	рекрутчина.....	23
Двина.....	8	Рыбная слобода.....	15, 22
дикомыт.....	5, 8, 10, 11, 13, 18, 22	Санкт-Петербург город.....	25
Дубна река.....	10	Семёновский потешный двор.....	22, 25
Ивановское болото.....	10	Сенат.....	23–26
Ильин день.....	18	слётки.....	10
Ингерманладская канцелярия.....	20	«Слово о полку Игореве».....	4
казённая палата.....	26	сокольники.....	7
Казанская губерния.....	26	сокольня московская.....	5, 7
Камор-Коллегия.....	20	Сокольская слобода деревня.....	27
Кучук-Кайнарджийский мир.....	25	соляные промыслы.....	3
Лебединое село.....	4	суд.....	6, 9, 16, 17, 22
магистрат		Таможенный Устав.....	24
главный.....	23, 24	церковь	
переславский.....	23	Богоявления в Елховке.....	25
Малые Сокольники деревня.....	27	Софийский собор.....	4
Москва город.....	4, 8, 9, 18–20, 24–26	Трифона в Напрудной слободке.....	7
Нерль Волжская река.....	10		
Нерль Клязьменская река.....	10		

Именной указатель

- Александр II царь 26
 Алексей Михайлович царь 12, 22, 27
 Андрей Александрович князь 4
 Антропов Н. 15
 Антропов С. 15
- Баженов А. 23, 24
 Баторий 8
 Борис Годунов царь 8
- Василий III великий князь 5–9, 24
 Василий IV Шуйский царь ... 8, 9, 11, 22, 26
 Владимир Мономах князь 4
 Волынский 22
- Гардингер кречетник 5
 Герберштейн С. 5
 Голенин В. И. 6
 Головин П. 6
 Губин П. 6
- Дементьев М. 8
 Димитрий Александрович князь 4
- Екатерина II царица 22, 24–26
 Елена Литовская великая княгиня 5
 Елизавета Английская королева 8
 Елизавета царица 22–24
 Ермолин Г. 6
- Жилкины Г., Е., Л., П. 22
- Иван III Васильевич великий князь 5, 8
 Иван IV Грозный царь 7–9, 26
 Иванов Б. 12
 Иванов Г. 11, 12
 Ивашков Ф. 6
 Игольников Б. 6
 Игольников Ф. 6
 Ильин Б. 8
 Иоанн Алексеевич великий князь 24
- Казаринов С. 17
 Казаринов Я. 17
 Константинов А. 22
 Котовы А., И. 17
- Лжедмитрий самозванец 8
 Лукерьян Ф. 6
- Максимилиан император 5
 Максимов О. 8
 Меншиков Я. 17
- Меньшиков В. 17
 Меньшиков И. 17
 Михаил Фёдорович царь 11
 Михайлов Д. П. 17
 Михайлов П. 17
- Никитин И. 6
 Николай I царь 26
 Новиков Т. 8
 Новиковы В., Е., Ф. 17
- Пётр I царь 3, 24
 Павел I царь 25, 26
 Панин И. 8
 Патрекеев И. 17
 Патрикеев Т. 7
 Петров К. 8, 11
 Полтев П. Ф. 15
 Попов А. 25
 Потапов С. 17
 Почанников И. 8, 11
 Прусин И. 6
- Ромодановский Ф. Ю. 19, 22
 Рябиков Г. 9, 11
 Рябиков Р. 17
 Рябов Г. 8
- Сперин И. 6
 Степанов К. 6
 Степанов С. 15
 Степанов Т. 15
 Стромиллов Н. С. 5
- Тихонравов К. Н. 15
- Фёдор Алексеевич царь 15
 Фёдор Иоаннович царь 8
 Фёдоров И. 12, 17
 Фёдоров Р. 17
- Хозников Н. 6
 Худяков Л. 17
- Чернышев Г. П. 22
- Шаманов Ф. И. 6
 Шамонов Ф. 6
- Ярослав Всеволодович князь 4
 Ярослав Мудрый князь 4
 Ярослав Ярославич Тверской князь 4

Оглавление

Переславские сокольи помытчики	3
Литература	28
Предметный указатель	30
Именной указатель	31